

ISSN 0869—4788

АПРЕЛЬ,
ЮГРА

4 93

«Югра»

№ 4 (18), апрель 1993 г.

Издается с сентября 1991 г.

Выходит один раз в месяц.

Редакционная коллегия:

В.К. Белобородов

(редактор),

Н.И. Коняев

(ответственный секретарь),

Л.В. Луцкай,

Т.А. Молданова,

Ю.С. Хозяинов.

Адрес редакции: 626200,

г. Ханты-Мансийск,

ул. К. Маркса, 14.

Телефон редакции: 4-12-25

Журнал зарегистрирован региональной инспекцией государственной инспекции по защите свободы печати и массовой информации при миниформпечати Российской Федерации. Свидетельство № Е-0254.

Подписаться на журнал можно с любого номера в местном отделении связи.

Отпечатано в Шадринской типографии п/о «Исеть» управления печати и массовой информации администрации Курганской области. 641800, г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Сдано в набор 1.03.93 г.
Подписано к печати 19.03.93 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,8. Уч. изд. л. 4,4.

Тираж 2500 экз. Заказ

Цена 10 руб.

Оригинал-макет подготовлен Ханты-Мансийской окружной типографией.

Историко-культурный журнал

Учредители - администрация Ханты-Мансийского автономного округа, нефтяные акционерные компании «Аки-Отыр» и «Югранефть».

В номере:

Н. Крупинин. Экология и психология	2
«Об организации государственной особо охраняемой геологической зоны «Саранпаульская».	
Комментарий И.И. Смирнова	6
А. Глухих. Такой многоликий кварц	9
С. Попова. Неизвестный Шешкин	11
Е. Бородихина. Старая фотография	16
В автономных округах России	18
Е. Кузакова. Мнение по поводу	19
В. Белобородов. Дом на песке	21
К. Посохов. Калдан	24
И. Шабалина. Церкви и судьбы Березова ..	26
Т. Пуртова. Книги о Березове	29
В. Плесовских. Меншиков в Березове	30
Счастлирое плавание	31
Н. Патрикеев. Редкое издание	37
Е. Грошева. Березов-пуп земли	38
Г. Сазонов. Тропинки	41
А. Белый. Стихи	42
Т. Молданова. В гнездышке одиноком	43
Фольклор	47
В. Балин. Этнограф, краевед, писатель	48
Е. Ерныхова. Еще об изделиях из бересты.	49
Т. Молданова. Орнамент «Солнце»	52
Говорите по-мансийски	53
А. Заев. Топонимический словарь «Югры»	54
А. Сургутсков. Валек из поролонa	55
В. Кукарцев. Черный день	56
Ю. Гордеев. Белая куропатка	58

22 апреля - День Земли.

Экология и психология.

На вопросы редакции отвечает председатель Нижневартковского территориального комитета по охране природы, председатель постоянной комиссии Совета народных депутатов автономного округа по экологии, оздоровлению окружающей среды, рациональному использованию природных ресурсов Николай Яковлевич Крупинин.

—Наш округ объявлен зоной чрезвычайной экологической ситуации. Как сложилось такое положение, чем и насколько это опасно каждому из нас, живущему в округе?

—Дело в том, что значительная часть людей не желает знать, в какой ситуации мы сегодня живем. Ведь и до объявления чрезвычайной ситуации реальная обстановка могла очень и очень шокировать любого. Но почему это происходит? Одна из причин состоит в том, что в нашей стране нечем определять экологическое состояние. Фактически такой богатейший регион, как Среднее Приобье, не располагает надлежащей лабораторной базой для исследования качества атмосферного воздуха, питьевой воды, почвы и т.д. Это одна из причин. Вторая — то, что наш регион долгое время был сырьевым придатком державы и рассматривался как эксплуатационная база, откуда можно качать сырьевые ресурсы, укреплять экономику. А остальное все забывалось, отходило на задний план. Ну, а третий аспект — психология. Мы просто не были воспитаны экологически; понимая, что нужно пить чистую воду, дышать чистым воздухом, выращивать урожаи на чистой земле, мы не придавали и не придаем этому должного значения. Удобнее не знать сложившейся ситуации.

—Николай Яковлевич, когда принято решение о чрезвычайной экологической ситуации?

—Первое такое решение было принято в Нижневартовске на заседании председателей комитетов всего округа. Оно проводилось по моей инициативе, и на нем все председатели комитетов предложили отнести не весь округ, а отдельные территории к зонам чрезвычайной экологической ситуации. Малый Совет в июне принял решение об объявлении уже всего округа такой зоной, и на сессии окружного Совета в октябре прошлого года это решение подтверждено.

На заседании депутатской комиссии мы приняли пакет документов и отправили в Минприроду России для того, чтобы это решение Совета прошло экологическую экспертизу и затем направить его в Верховный Совет для принятия окончательного решения. Нельзя чрезмерно драматизировать положение. В Законе об охране окружающей среды сказано, что в зоне чрезвычайной экологической ситуации приостанавливается как строительство новых объектов, так и работа тех предприятий, которые отрицательно влияют на окружа-

ющую среду, здоровье людей. Это парализует разработку новых месторождений.

—Так, значит, округу невыгодно быть зоной чрезвычайной экологической ситуации?

—На сегодняшний день невыгодно с экономической точки зрения. Сами понимаете, в какой ситуации наша страна. Добывать сырье нужно — другое дело, какими методами, какими средствами. Советник президента Яблоков предлагает пойти по такому пути (и я его поддерживаю): укрепить комитеты по природным ресурсам, другие природоохранные службы, создать надлежащую базу финансирования, чтобы усилить их роль. Мы вместе с банковской системой и правоохранительными органами должны продумать вопрос об ответственности за нарушение природоохранного законодательства.

И второй путь — ужесточить требования к проектам обустройства новых месторождений, строительства новых объектов на территории округа.

Психология, к сожалению, пока осталась прежней и у многих глав администраций, и у многих Советов. Сиюминутная выгода. Сегодня мало прислушиваются к мнениям экологов, лесоводов, других специалистов, связанных с природными ресурсами, и порой в обход низовых звеньев этих служб в верхах принимают решения и о регистрации месторождений, и об отводе новых участков. В нашем Нижневартовском районе сегодня более 50 предприятий, которые строят без всяких проектов, нам приходится прилагать максимум усилий, чтобы приостановить финансирование, строительство, хотя закон один для всех и в нем четко сказано, что любой объект должен строиться при наличии положительного заключения экологической экспертизы. Вот это прежде всего беспокоит. Психология осталась прежней, мы должны ее каким-то образом менять.

—Значит, проблемами экологии должно заниматься значительно больше людей, и более компетентно?

—Да. Но подобрать профессиональных экологов, которые должны работать в области регулирования природных ресурсов, очень трудно. Институты таких специалистов не готовят. И это одна из больших проблем.

И вторая проблема — отношение к этим службам местных администраций, Советов. Ну, какую роль будет играть комитет по охране природы, скажем, в Урае, если в нем всего три работника? Как он может влиять на использование природных ресурсов, какую внесет лепту, если не обладает никакой материальной базой? Отсюда все проблемы и возникают, хотя при этом все понимают: экономика округа строится на природных ресурсах. А бережного отношения к ним нет.

—Николай Яковлевич, вы опытный специалист, больше десяти лет проработали на Севере, и за рубежом бывали, видели, как в других странах занимаются экологическими вопросами. Какие вы видите пути выведения из этой чрезвычайной экологической ситуации нашего округа?

— У меня есть предложения, которые я пытаюсь осуществить в своем Нижневартовском районе прежде всего, чтобы потом эти методы переносить

на округ. Ситуация в районе, пожалуй, тяжелейшая во всей России. Две трети его территории — это строительная площадка. Это более 50 нефтяных месторождений, которые обустриваются, разрабатываются. В июле 1991 года решением сессии мы объявили наш район зоной экологического бедствия.

— Прямо бедствия?

— Да. Районный Совет признал это единогласно. Но как выходить из этой тупиковой ситуации? Остановить предприятия нельзя. Значит, нужно искать другие возможности, и мы видим их. Первый путь — это путь «соглашательства» с предприятиями нефтяной промышленности. Не по-известному правилу «Ты мне — я тебе», а конструктивно разобраться, кто загрязняет и что намерен сделать, чтобы этого не повторялось, чтобы стабилизировать положение. Вот было совещание в Стрежевом — мы нашли там взаимопонимание и уже создается высокопрофессиональное предприятие по устранению последствий загрязнения. Это предприятие должно быть на уровне добывающего предприятия нефтяной промышленности с такими же базами, механизмами, с такими же планами капитальных вложений. Это один из путей.

Второй путь — мы вводим жесткие рамки: нарушил — плати штраф. Многие предприятия пытаются уйти от этого, но тем не менее этот рычаг начал действовать. Здесь положительный момент состоит в том, что мы средства, которые получаем, направляем на устранение этих нарушений — строительство очистных сооружений, реконструкцию замазученных мест и т. д.

Мы разрабатываем большую программу по устранению этих последствий, на Нижневартовский район работает около 10 институтов, и думаю, что в ближайшее время такая программа будет. А пока я не могу похвалиться перед своими избирателями большими достижениями. Если люди смогут сказать: да, нам легче стало дышать, чище стала вода — тогда другое дело. Эти процессы экологические настолько сложны... Нам приходится прилагать много усилий для того, чтобы снизить аварийность, мы много работаем с предприятиями, но, к сожалению, аварийность растет. Трубы стареют. Сами понимаете, разбалансированность в экономике сказывается и на экологическом состоянии региона. И те хорошие идеи, которые мы пытаемся внедрять, порой повисают в воздухе и чувствуешь свое бессилие в решении этих задач. Есть власти, есть определенные законы, которыми можно сегодня руководствоваться, но без крепкой экономики невозможно решить эти вопросы.

—Вы обеспокоены тем, чтобы не повторилась такая же ситуация в других районах округа?

—Я на каждой сессии, на заседаниях малого Совета пытаюсь сказать своим коллегам - депутатам, что мы должны руководствоваться неплохими законами, которые на сегодняшний день приняты. Это прежде всего закон об экспертизе, о том, что каждый объект должен проходить экспертизу. Это жизненно необходимо. Мы должны знать точно, какие последствия будем иметь, если поставим этот объект. Сегодня Березовский район чистый в экологическом плане. Но если мы будем так же безумно строить, разрабатывать, как разрабатывали в Нижневартовском районе, последствия будут такие

же, типичные. Поэтому мы обеспокоены, чтобы всякое новое строительство начиналось бы, как в любом цивилизованном обществе, с проектных документов, с обсуждения, с нормального диалога и нормально принятых решений. Ибо для того, чтобы выжить нашему поколению, другого пути просто нет.

—Если Вы такие требования предъявляете к людям, которые работают на одной земле с вами, наверное, у вас немало конфликтов?

—Ну, естественно, бывают конфликты, без этого, наверное, невозможно работать. Но не так много конфликтов, как представляется. Во всяком случае, последние годы. Дело в том, что я в Нижневартовском районе работаю с 80-го года и многие руководители знают мои требования. Другое дело, что конфликты бывают, когда я вижу: случилась авария, случилась беда, а мер никаких не принимается. Недавно у нас была конфликтная ситуация, когда встал вопрос о передаче совместному предприятию Северо-Ореховского месторождения. Это месторождение находится в пойменной части реки, на том ее отрезке, где остались последние осетровые ямы. И у меня, естественно, возникает обеспокоенность. Мы предложили ряд других месторождений, но эти предложения отклоняются. На этой почве у нас довольно серьезный был конфликт, и, кстати, меня не особенно поддержала администрация. Но тем не менее комитет дал категорический отказ.

Разработка месторождений пойменной части Оби, я думаю, должна быть временно законсервирована, пока не найдена безопасная для природы технология добычи. Может быть, когда-то мы и согласимся, но сегодня это невозможно.

Бум с огородными участками породил то, что во всех городах вырублена зеленая зона. Но нельзя безумно относиться к этому вопросу. Конечно, восстанавливать нужно, вы видите сами, как идет озеленение в городах: сложно приживаются деревья, дают маленький прирост за вегетационный период. Мы объявили в нашем регионе 2 памятника природы. Но тем не менее там люди продолжают самовольно строиться, самовольно разрабатывать участки. Постоянно нужен Дамоклов меч, чтобы люди поняли. К сожалению, психология довольно сложная и приходится трудно.

Чтобы мы могли эффективно влиять на ситуацию использования природных ресурсов, наши люди должны быть независимыми во всем: в зарплате, материальном положении, как в Штатах, как в Западной Германии, Японии. Но когда наш инспектор получает минимальную зарплату, не имеет никаких льгот, понятно, что он будет зависим. Поэтому и стоит так остро вопрос о том, чтобы оградить, избавить природоохранные службы от этой зависимости.

—Николай Яковлевич, напоследок хотелось бы узнать, Ваша мечта — какая она?

—Я хотел бы, чтобы в каждом городе были сосновые рощи, ибо где растет сосна, там здоровый воздух... Все зависит от нас, от каждого. Никакой эколог, инспектор не убережет последнюю природу, если мы не приложим усилий, чтобы вместе ее сберечь.

Интервью взяла Л.Луцкая.

Решение малого Совета автономного округа.

Об организации государственной особо охраняемой геологической зоны «Саранпаульская»

Рассмотрев предложения администраций Березовского района и Ханты-Мансийского автономного округа об организации особо охраняемой геологической зоны «Саранпаульская» в целях сохранения уникальных месторождений /проявлений/ камнесамоцветного и облицовочного материала, редких и драгоценных металлов, предотвращения случаев их хищения и вывоза за пределы России, и также в целях упорядочения геологоразведочных и добычных работ в этом районе в направлении его комплексного развития с учетом особенностей проживания малочисленных народов Севера и уникальности сохранившейся фауны и флоры, руководствуясь ст. 4, 15 Закона Российской Федерации «О недрах», малый Совет Совета народных депутатов автономного округа РЕШИЛ:

1. Поддержать инициативу администраций Березовского района и автономного округа о создании государственной особо охраняемой геологической зоны «Саранпаульская» в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа.

2. Просить Комитет по геологии и использованию недр при Правительстве Российской Федерации в соответствии со ст. 6, 10, 11, 15 Закона Российской Федерации «О недрах» выдать лицензию администрации Ханты-Мансийского автономного округа для организации особо охраняемой геологической зоны «Саранпаульская» /Временное Положение о государственной особо охраняемой геологической зоне «Саранпаульская» прилагается/.

3. Поручить администрации округа совместно с Комитетом по геологии и использованию недр до 1 ноября 1992 года доработать Положение о государственной особо охраняемой геологической зоне «Саранпаульская» и представить на утверждение смету расходов на организацию и содержание особо охраняемой геологической зоны.

4. Поручить администрации Березовского района до утверждения Положения об особо охраняемой геологической зоне «Саранпаульская» и выделения ресурсов на ее функционирование принять меры, исключающие нелегальную разработку и хищения камнесамоцветного и облицовочного материала, драгоценных металлов и вывоз их за пределы территории автономного округа как частными, так и юридическими лицами.

Председатель Совета народных депутатов автономного округа
В.А. ЧУРИЛОВ.

Что собою представляет «государственная особо охраняемая геологическая зона «Саранпаульская»? Где проходят границы ее территории? С какой целью создается? Какие задачи на нее возлагаются?

Эти и другие вопросы комментирует главный специалист Комитета по нефти и газу администрации Ханты-Мансийского автономного округа Иван Иванович Смирнов.

-Недавно окружной администрацией была утверждена программа геолого-разведочных работ, направленных в основном на решение прикладных задач, на реализацию геологоразведочных направлений, которые могут дать положительный эффект не через 5-10 лет, как мы привыкли слышать, а уже через год-два. В денежной оценке эта программа выражается суммой в 1 млрд. 163 млн. рублей. И организация государственной особо охраняемой геологической зоны «Саранпаульская» является составной частью этой программы. Сразу должен сделать оговорку относительно статуса зоны. Мы поначалу предполагали, и это видно из опубликованного выше решения малого Совета, что лицензия администрации округа для организации зоны будет выдана Комитетом по геологии и использованию недр при правительстве Российской Федерации, а финансироваться зона будет, как заповедники и заказники, из российского бюджета. Отсюда и приставка «государственная». Но путь оказался немного проще. Появилась возможность получить лицензию в Ханты-Мансийскгеолкоме и финансировать ее из окружного бюджета-блага, бюджет в нынешнем году довольно крепок. Так что правильнее будет называть создаваемую зону просто «особо охраняемой геологической».

Лицензия пока еще не получена. Есть некоторые невыясненные вопросы, связанные, к примеру, с порядком получения оружия инспекторским составом. Прорабатываются и чисто технические вопросы. Должно получить квалифицированную оценку в части законности и само Положение о зоне. Думаем, к очередному заседанию малого Совета соберем недостающие документы, решим все вопросы и вынесем, наконец, окончательное решение.

Когда мы впервые выносили вопрос «О государственной особо охраняемой геологической зоне», у нас не имелось даже карты. Сейчас она составлена. Расположена зона в Березовском районе на площади 14725 кв. км. Четко обозначены ее границы: западная проходит по осевой части Урала и соответствует одноименной границе автономного округа; северная проходит также по границе округа (С Ямало-Ненецким автономным округом) по водоразделу рек Хулга и Мокрая Сыня; восточная-по большей части территории зоны проведена по подножию восточного склона Уральских гор и на своем протяжении пересекает р. Верхнюю Деляю, проходит вдоль юго-восточной оконечности оз. Балбанты, пересекает реки Неркаю, Большую Хосаю, Нядокота, Малую Хосаю, среднее течение реки Хальмерью, верховье притоков р. Налимаю, Палью, рек Сартынья, Большая Люлья и т.д. ; южная граница - на большей своей части проходит по водоразделу рек Лозьва и Северная Сосьва, на меньшей - пересекает верховье реки Лепля и мелкие левобережные притоки реки Лозьва.

Я не случайно заострил внимание на границах зоны. Дело в том, что

Саранпаульская Ассоциация «Спасение Югры» высказалась категорически против создания на своей территории геологической зоны, считая, что следует отдать прерогативу Саранпаульской этнической территории. Но этническая территория охватывает низовья реки Ляпин, во всяком случае, не высокогорную территорию, и нам кажется, одно другому не мешает. Таким образом, зона сосредоточивает в своих границах все основные проявления выходов на земную поверхность полезных ископаемых — камне-самоцветных (аксинит, нефрит, горный хрусталь, яшма, агат и др.) и облицовочных (мраморизованные известняки, кварцевые конгломераты, серпентиниты и др.) материалов и редких драгоценных металлов, основные запасы золота, проявления алмазов и т.д.

Подчеркиваю, что зона создается с целью сохранения уникальных месторождений и предотвращения случаев их хищения и вывоза за пределы автономного округа и России, а также упорядочения геологоразведочных и добычных работ. Отсюда и задачи: охрана месторождений от расхищения многочисленными любителями камня и коммерческими структурами, контроль за организацией и планированием туризма в районе зоны, систематическое проведение режимных работ по участкам выявленных месторождений, содействие в планировании и выполнении научно-производственных экспериментов и работ по планам Роскомгеологии и Ханты-Мансийскомгеологии, направленных на производство геологической съемки, поисково-разведочных работ и, наконец, охрана природного комплекса территории в целом. Все основные задачи четко сформулированы в Положении.

Не секрет, что сегодня многочисленные дельцы под видом туристов легко проникают на территорию зоны с западного склона и, пользуясь отсутствием здесь хозяина, вывозят драгоценные металлы. Скажу больше: по некоторым неофициальным данным, один из ценных камнесамоцветных материалов - аксинит, обнаруженный при проходке горных выработок на одном из месторождений, появился нелегально на выставке-аукционе в Мюнхене и был продан за солидную сумму. Мы этого больше не должны допустить.

В Саранпауле давно работает Полярно - Уральское геолого-промышленное предприятие, занимающееся добычей жильного кварца, горного хрусталя и - в последнее время аксинита, который, как известно, является прекрасным ограночным камнем. Ведутся наработки по облицовочным камням: мрамору, кварцевым-конгломератам, мраморизованным известнякам и т.д. с тем, чтобы в рамках какой-то акционерной компании, общества, с участием администрации Березовского района и округа производить облицовочную плитку. Сосьвинское геологоразведочное предприятие на одном из притоков реки Хальмерью ведет разработку и добычу золота. Из экологических соображений там принят замкнутый цикл промывки. Сегодня мы имеем право использовать для нужд округа до 10% добываемого золота, и почему бы не подумать, например, о создании собственного золотого запаса?

Теперь у нас любое недропользование платное. И не должно быть несанкционированных работ, неучтенных сборов коллекций минералов, неорганизованного туризма. Геологическая зона «Саранпаульская» - одна из редких территорий округа, сохранившихся в первоизданном виде. И наша задача - сберечь ее для себя и для будущих поколений.

Такой многоликий кварц

От больших музеев, даже если это Лувр, Эрмитаж, веет казенным духом. Другое дело - маленькие, на предприятиях или домашние. Там можно экспонат рассмотреть детально, даже в руки взять, а экскурсовод, наверняка, будет человеком увлеченным, знающим.

Об этом я подумала, слушая главного геолога Приполярной разведочно-добычной экспедиции Л.С. Скобеля.

Он привел меня в музей кварца своего предприятия, расположенный в одном из кабинетов. Места здесь мало, но экспонаты расставлены столь рационально, что тесноты не ощущается.

По всей вероятности, в России, да и во всем бывшем Союзе нет другого подобного музея. Именно Уральский хребет Саранпаульского региона содержит запасы горного хрусталя, точнее, кварца. Наверное, первое официальное упоминание о нем содержится в редкой теперь книге Ю.И. Кушелевского «Северный полюс и земля Ямала» (Санкт-Петербург, 1868 год). Добывать же его стали в конце двадцатых - начале тридцатых годов, когда оленеводы-манси сообщили о чудесных прозрачных камнях на склонах горы с непривычно для здешних мест звучащим названием Додо.

Вот выписка из статьи П.Л. Драверта за 1939 год «Драгоценные и цветные камни в Омской области». «В районе Хусьойки, Неройки и Сура-Из (к северу от горы Карпинского)... наладилась добыча горного хрусталя, оказавшегося весьма пригодным для изготовления пьезо-электрических пластинок, в равной степени он может служить для ювелирных и др. технических целей. Здесь встречаются как совершенно бесцветный горный хрусталь, так и дымчатые его разновидности, причем окраска их варьирует от нежно-золотистого до очень темных тонов. Уже в 1935 году эксплуатационные работы треста «Русские самоцветы» дали здесь около 30-35 процентов всей добычи в СССР».

Добыча кварца ведется почти шестьдесят лет, а вот музей создан всего десять лет назад рядовым инженером В.М. Чаликовым. Замечательную память о себе оставил уехавший геолог. Коллекция из нескольких экспонатов превратилась в уникальный музей. Здесь собраны удивительные кристаллы кварца - по размерам, внешнему виду, структуре, а то, что рассказывал Леонид Сергеевич об этом минерале, походило на оду камню, заслушаться можно. Кристаллы - прозрачные, переходящие в розовато-сиреневый цвет, пронизанные тончайшими нитями рутила, «пальцы», «пирамиды», камни, похожие на куски толстого стекла... И все это-кварц, разноликий, удивительный минерал.

Глаз невозможно оторвать от камней, а Скобель энергично пытается обратить мое внимание на какие-то трубки, стоящие на отдельных полках музея. Оказалось, что это и есть та основная продукция, которую изготавливают из кварца, абсолютно чистого, без малейших примесей минерала. Различного рода колбы, лампы и прочие предметы отличаются не только удивительной прозрачностью, но и выдержки-

вают температуру свыше тысячи градусов. Еще эти изделия отличает очень высокая цена, «жуткая», как выразился Леонид Сергеевич. Стоимость одного килограмма пьезокварца достигает сорока тысяч рублей. Экспедиция продает в год кварцевого сырья на многие сотни тысяч рублей и количество заявок не убывает. В нем нуждаются авиа-и приборостроение, космическая, радио-, свето- и полупроводниковая техника...

Музей кварца в поселке геологов и оленеводов Саранпауле-гордость не только коллектива Приполярной экспедиции, но и Березовского района, всего округа. И все же хочу сказать о местных коллекционерах. Не найдется, наверно, в экспедиции человека, равнодушного к красоте уральских камней. Прекрасная коллекция у А.В. Бадылко из Неройской партии. Там не только различные кристаллы и друзы горного хрусталя и других видов кварца, но и полудрагоценных, поделочных камней Северного Урала. Я видела яшмы, в разрезе которых можно усмотреть пес и космический пейзаж, кристаллы хрусталя, похожие на винтовую лестницу, чудный камень волосатик и винно-бордовый аксинит, встречающийся только в этом регионе... Показали мне обломок дерева, которому, возможно, не один миллион лет, и окаменевшую раковину аммонита, мне же они показались ничем не примечательными камнями.

Лет пятнадцать назад в штольне прииска Додо мне подарили небольшой прозрачно-сиреневый «пальчик» горного хрусталя, но начальник партии безжалостно отнял, объяснив, что минерал является стратегическим сырьем, а бригадиру - дарителю будет объявлен выговор. В это посещение мне предложили выбрать на память самые красивые кристаллы прямо на месте добычи.

Вот они, на снимке, драгоценный дар горы Додо.

А. Глухих.

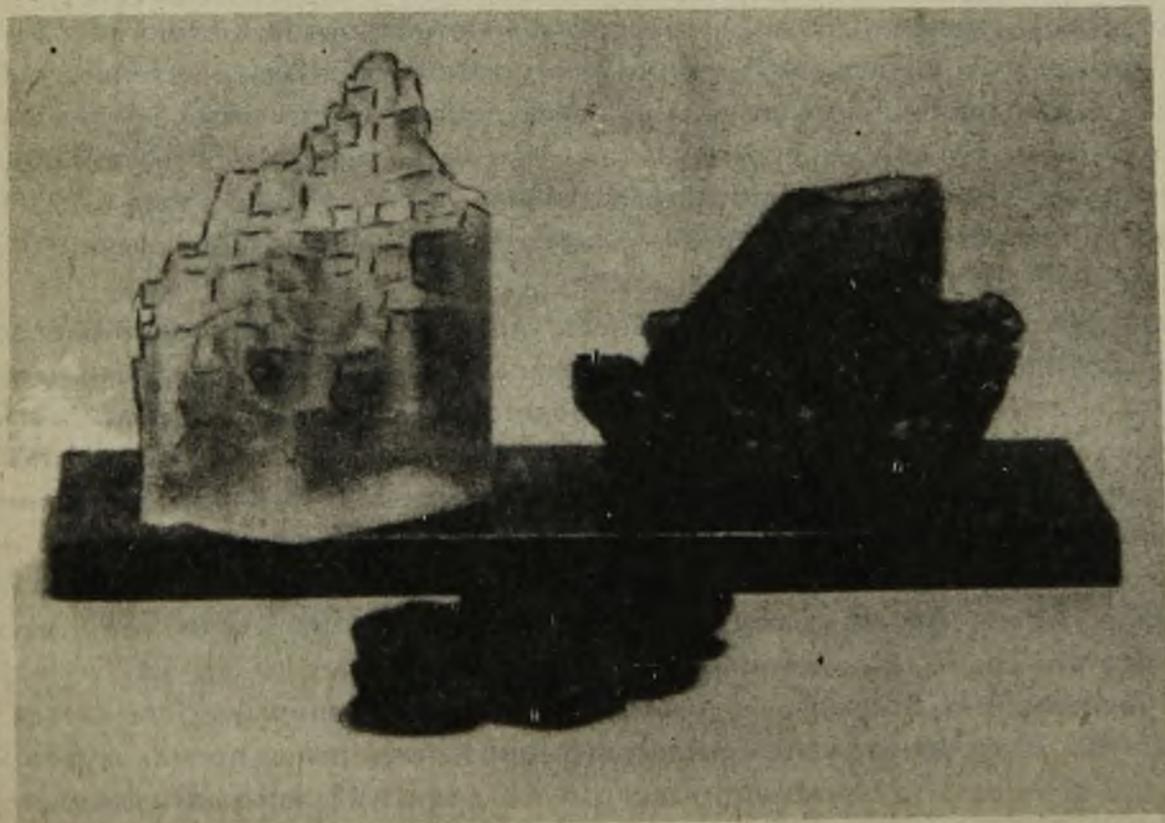

Фото Н. Гордеевой.

Неизвестный Шешкин

С. Попова

Шешкин самозабвенно окунался в такой знакомый, но открывающий новые и новые горизонты, мир народного искусства манси. Передко его мучила обида на то, что творческие силы мансийского народа остаются скованными, а этнографические и фольклорные богатства лежат мертвым капиталом.

Петр Ефимович целиком посвятил себя сбору фольклорных произведений народа манси, рукотворных изделий (орнаментированные туески-совт, пайи, вит-вит: разрисованные ручки весел и иные поделки), орнаментов.

В архиве Петра Ефимовича сохранились записанные им сказки, мансийские народные поговорки, пословицы и сходные с ними народные выражения, загадки, народные песни, а также песни, сочиненные им самим. Всего он собрал и привел в систему (на мансийском языке) 642 пословицы и поговорки и 85 загадок. Причем, он их сам классифицирует следующим образом: красота природы, мороз, ветер, вода, огонь, рыбы, дикие звери и птицы, человек, о человеческой скупости, доброте, жадности, культуре, мастерстве, об искусстве, храбрости, трусости, лени, драчунах, хулиганах, об обмане и лжецах, о тоске и страданиях, о нужных вещах, ворах и воровстве, беде и нужде, счастье, удаче, кулаках, шаманах...

Если бы весь этот богатый материал издать на мансийском и русском языках, то вышел бы прекрасный сборник для практического пользования в школах, где изучается родной язык. Пока наши ученики не имеют ни одного подобного сборника. А песни, собранные им в пароды и самим сочиненные, могли бы включать в свой репертуар фольклорные ансамбли. К сожалению, анализом этих произведений пока еще никто не занимался.

Кроме того, в архиве есть сочиненные Петром Ефимовичем на мансийском языке две пьесы: «Тени с того света» и «Жизнь одного рыбака». В Березовском музее хранятся два альбома с мансийскими орнаментами, которые собрал П. Е. Шенкин.

Мансийские орнаменты Петра Ефимовича, хранящиеся в его архиве, по просьбе и настоянию Е. И. Ромбандеевой, были обработаны в 1988-1989 годах Ириной Даниловной Шабалшиной, директором краеведческого музея рабочего поселка Березово Ханты-Мансийского автономного округа. Она проделала огромный кропотливый труд: из имеющихся в архиве П.Е. Шенкина двух альбомов с эскизами орнаментов она фотоспособом и карандашом сняла каждый рисунок орнамента отдельно и собрала воедино все его орнаменты.

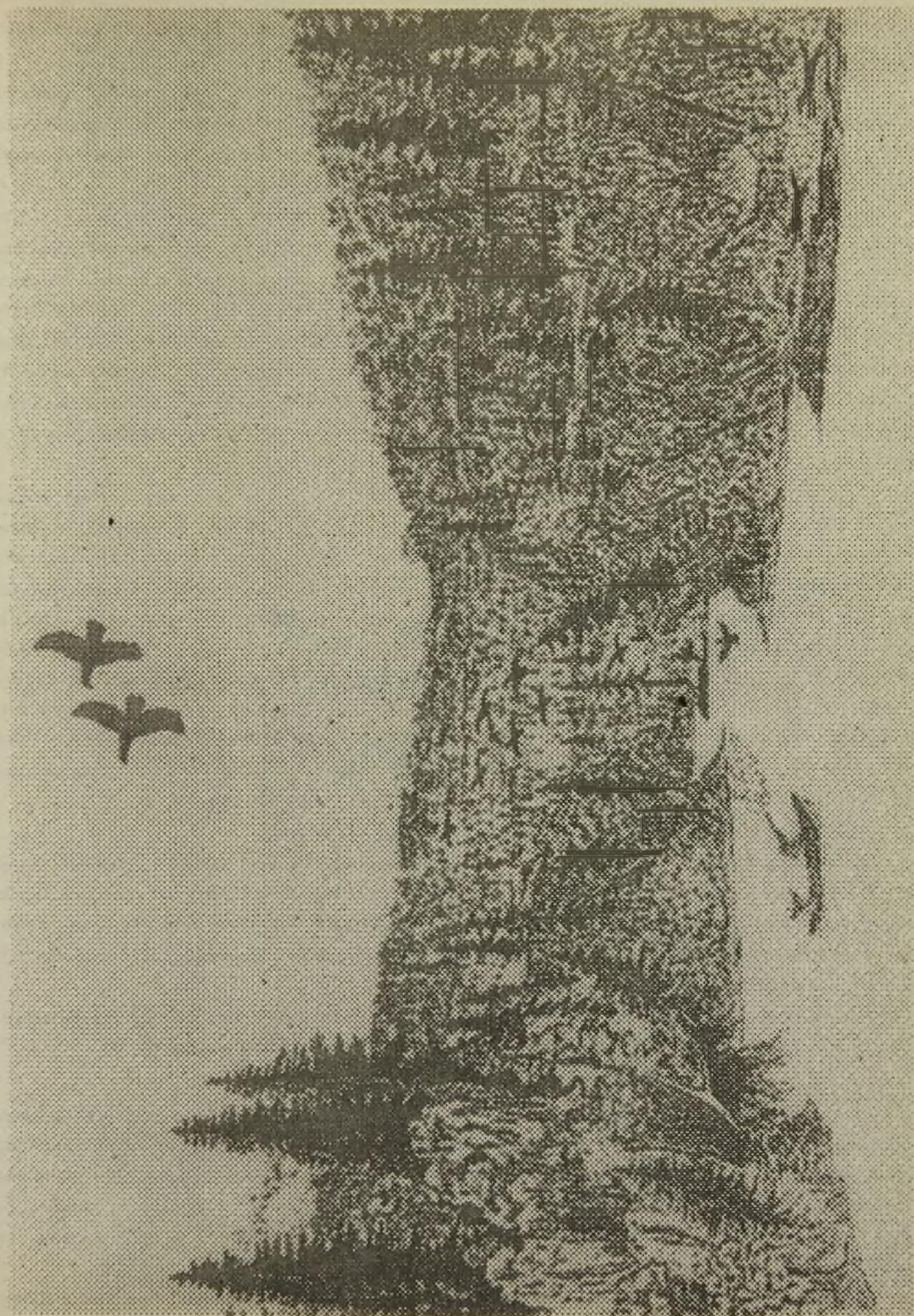
Под руководством и с помощью Евдокии Ивановны Ромбандеевой все подготовленные к печати мансийские орнаменты были систематизированы и распределены по тематическим группам. Составителями работы выделено около двадцати групп орнаментов. Каждый орнамент, насколько возможно, сопровождается мансийским названием с его переводом на русский язык. По предположению Е.И. Ромбандеевой, в архиве имеются орнаменты, которые Петр Ефимович создал сам. Такие рисунки орнаментов и их варианты составителями альбома включены в него без названий. Рукопись тщательно подготовлена и представлена для печати в августе 1990 года. Будем надеяться, что «Мансийские орнаменты», первая ласточка из архива П.Е. Шенкина, благодаря усилиям И.Д. Шабалшиной и Е.И. Ромбандеевой, выйдут в свет в 1993 году к 400-летию юбилею Березово.

Петр Ефимович провел трудоемкую и бесценную работу по изучению лексики мансийского языка. Им был составлен мансийско-русский словарь, ценный тем, что отразил лексику ломбовожского говора сыгвинского диалекта.

Петр Ефимович был не только творческим работником, но и активным общественником. Неоднократно избирался депутатом сельского, районного окружного Советов народных депутатов. Он неустанно поднимал вопросы улучшения жизни, быта, трудоустройства коренного национального населения. Подтверждение этому мы находим в дневнике П.Е. Шенкина, где имеются копии его писем к партийным руководителям округа и района. Написанные в начале семидесятых годов, очень созвучные нашему времени, они в то время так и не были оценены по достоинству.

В письме, адресованном в Ханты-Мансийский окружной комитет КПСС, он пишет: «Чрезмерное усиление рыбнадзора приводит к тому, что национальное население поголовно штрафуется.

В случае неуплаты штрафа большинство людей ни за что судят народные суды, вплоть до конфискации имущества, несмотря на то, что люди после ликвидации небольших колхозов /1960г./ живут без определенной работы, сидят без зарплаты. Штрафы платить нечем. Голодной смертью умирать никому не хочется. Ведь они хорошо знают, что их родная природа очень богатая. Она, как родная мать, кормила и одевала их предков, родителей и их самих. В такое время принятие жестких мер против местного населения - необдуманно. Этот закон принес в каждую семью только горе. За рыбную ловлю - штраф, за попытку поохотиться - штраф. А

масса народа, бывших колхозников, оставлены без работы, особенно женщины. Маленькие населенные пункты оставлены вообще без внимания и заботы.

Картофель в последнее время сажать почти перестали. Оленеводство ликвидировали. Народ манси остался без мяса, одежды и транспорта. В результате ликвидации оленеводства вся мансийская нация оказалась без оленей, то есть стала не оленеводческой, хотя в истории народа Крайнего Севера и Сибири мансийская нация была одной из оленьих».

Далее он пишет: «Моя просьба к Хагты-Мансийскому окружному партий и окружному Совету народных депутатов: отменить те статьи закона, которые совсем не подходят к существованию природного населения Севера. Снять раз и навсегда с людей рыбонадзорские штрафы и в дальнейшем этого не допускать, не срамить лицо Советской власти. Если так будет продолжаться, то в будущем народ ждет голодная смерть. Принять все меры, чтобы рыбоохрана вернула им все сети, невода и прочие рыболовные снасти, которые годами отбирали у людей, ведь манси и хагты только ими и кормили свои семьи. Почему допущено такое издевательство над людьми, которые живут в очень трудных условиях Севера. А рыбонадзор их грабит ежегодно от имени закона. Дольше до того, что людей оставляли с пустыми руками. Если рыбонадзор не в состоянии теперь вернуть им рыболовные снасти, то пусть вернет деньгами по стоимости».

8 февраля 1971 года Петр Ефимович отправляет письмо первому секретарю Березовского райкома КПСС. Он отмечает, что в горах Северного и Приполярного Урала можно ежегодно пасти и кормить крупный рогатый скот, в частности, на восточных склонах Уральских гор организовать специальные фермы мясного скота, так как один мясной бык казахской породы весит 700 килограммов и заменит мясо оленей. «Наша сибирская, хорошо вскормленная корова весит 300 килограммов, если ее забить на мясо, то она сохранит жизнь 9 головам оленей. На мясо району нужно производить мясной скот /коров, свиней/, поэтому нужно прекратить забой оленей на мясо, их и так у нас мало, поэтому не нужно их утилизировать на мясо и корм лисцам. Необходимо принять все меры и снасти, сохранить и восстановить оленеводство. До 1950 года в Тюменской области было 1млн.400тыс.голов оленей /частных и общественных/. Наша область по поголовью оленей занимала первое место в мире. Тогда по Оби и Сосье было множество мелких колхозов, и каждый колхоз старался побольше иметь оленей/выгодно было/. Но в 1952-1954гг. мелкие колхозы соединили, укрупнили...».

Таким беспокойным, неравнодушным человеком был П.Е.Шенкина.

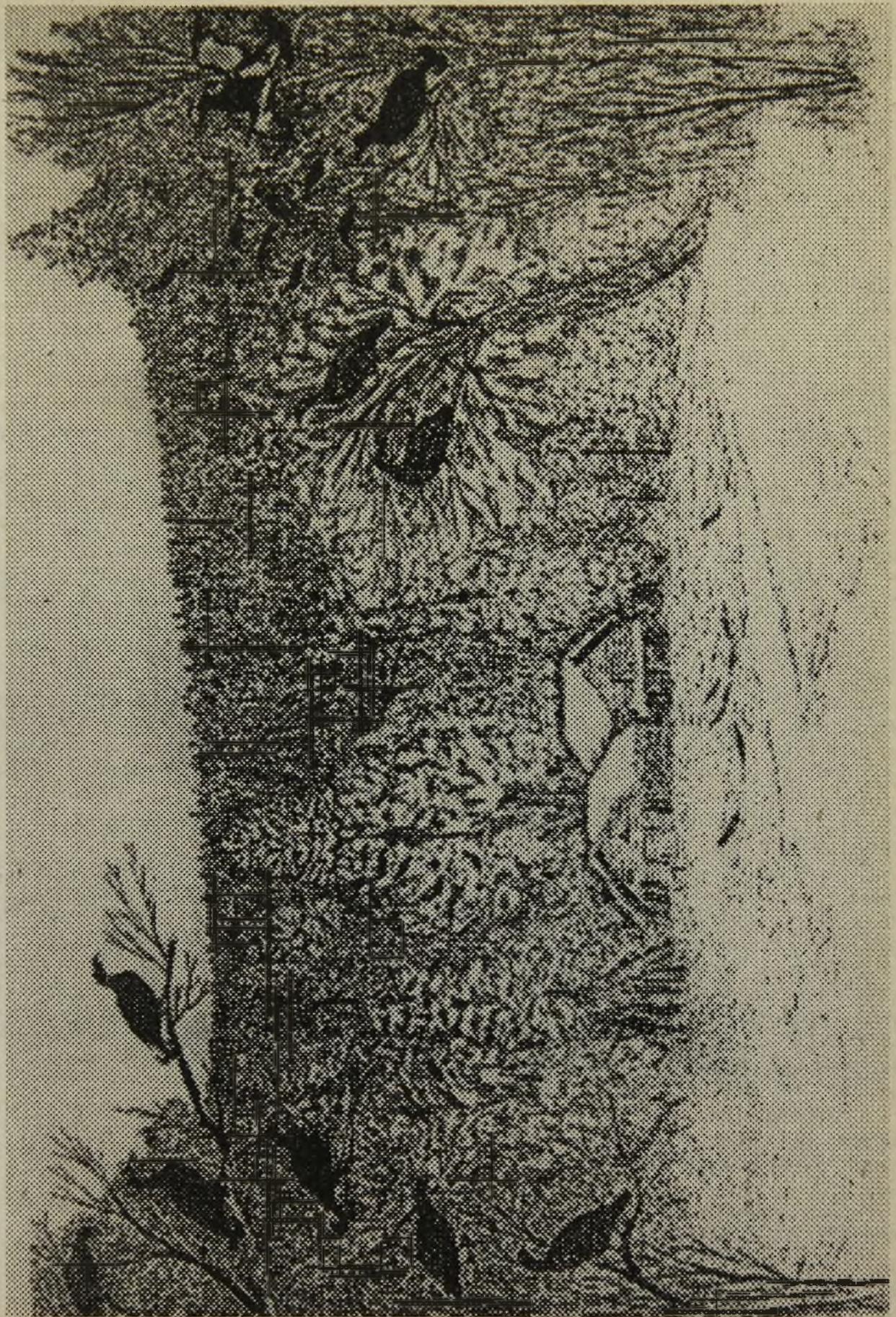
За многолетнюю творческую работу П.Е.Шенкину в июне 1971 г. было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». О нем был снят телевизионный фильм Тюменской студией телевидения, документальный фильм «Таящая песнь» Свердловской киностудии. Фильм снимал оператор Герман Семенович Куликов, он же предлагал в январе 1971 года/есть письмо в дневнике П.Е.Шенкина/ снять фильм «Художник манси», но, видимо, этому не было суждено случиться.

Архив заслуженного работника культуры РСФСР П.Е.Шенкина необходимо тщательно изучить, обработать и, по возможности, опубликовать.

Культурная инициатива.

В Березовском районе сделаны первые шаги к созданию научно-фольклорного фонда народа манси. Идею подала автор опубликованной выше статьи С.А.Попова, она же сейчас занимается организацией небольшого творческого коллектива из шести человек. Пока у фонда есть только помещение и расчетный счет в банке. В ближайшее время необходимо приобрести магнитофоны, диктофоны, видеотехнику, без которых невозможны экспедиции по району. Понадобятся также ксерокс и компьютер для обработки собранного материала.

С.А.Попова настроена побыстрее подобрать сотрудников и приступить к фольклорным исследованиям, чтобы как можно полнее взять то, что сейчас с каждым годом постепенно иссякает в народной памяти.

Старая фотография

«Есть только миг между прошлым и будущим и именно он называется ЖИЗНЬ...»

(Из песни).

...Старая, пожелтевшая от времени фотография. 1949 год, давно прошедшее время. Выглядываясь в такие знакомые, юные лица друзей и товарищей по Березовской средней школе, невольно задумываешься о судьбе своего поколения, чья юность совпала с послевоенным временем, а детство - с войной.

Что есть история? В человеческом излечении - это извечная смена поколений, вереница судеб, драм и трагедий, счастья и горя. И каждое поколение - звено в этой бесконечной цепи истории. Когда она разрушается, наступает распад времен, образуется некий вакуум, расшатывается фундамент будущего. И каждому поколению хочется оставить след в этой истории, быть частью наследства для будущих поколений...

Кем стали мы, друзья-товарищи, выпускники 1949 года? Далеко от малой Родины разбросала нас судьба. На фотографии мы все - дети разных национальностей, но дружный и сплоченный коллектив. Из-за превратностей судьбы родители многих из нас оказались в этом маленьком поселке - Березове. Он давно известен как место ссылки неугодных.

Недавно на выставке, посвященной Хрущеву, я увидела карту ГУЛАГа (в который первый камень бросил Никита Сергеевич, и вечное ему спасибо за это и прощение за грехи его). Нашлось на карте место и для нашего Березова. Но был ли здесь в прямом смысле лагерь ГУЛАГа? Да, лагерей для ссыльных и заключенных не было, но был НКВД, где еженедельно отлучались ссыльные. А куда бежать? Кругом вековая тайга и болота, а пароходы приходят раз в 10-15 дней. Каким это было событием для нас! Ждали, когда за мысом покажется пароход, и бежали к нему как к посланцу другого, большого мира. Маленький поселок вместил жертв всех репрессивных волн сталинской эпохи: кулаков в начале 30-х гг., административно высланных «врагов народа» в 1937-38 гг., позднее - молдаван, евреев, немцев, татар...

Мы, дети, не разбирались тогда в «преступлениях» своих родителей, мало говорили и думали об этом. Удивительна наша солидарность, отсутствие национальных конфликтов, ссор на национальной почве.

Сегодня много говорится об утрате духовности. Наше поколение не знало духовного простоя. Дружба, бесконечные беседы, спектакли по собственным инсценировкам Пушкина и Марка Твена, концерты в ближайших юртах, куда зимой мы отправлялись на лыжах, соревнования, кружки... Все было естественно и воспринималось как норма жизни, как путь к будущему.

Радостными событиями были поездки на уборку картофеля в ближайшие колхозы. А вечером - песни под гитару Анфузы Ивановны Копыльцовой, нашего географа и кумира. До сих пор при встречах вспоминаем юность и песни нашей дорогой Анфузы («На Бродвее шумно!» и другие). Зима - старшие школьники отправляются в лес на заготовку дров для школы, младшие при школе их укладывают - все на самообслуживании. Наш строгий, неприступный директор-фронтвик обещает: «Ну, а вечером - танцы...»

Аккордеон Ивана Романовича Тарасенко сменяет гармошка Толи Рыбьякова - и откуда брались силы после такого дня работы в лесу? Летом приходилось молодежными бригадами выезжать на сенокос, рыбалку. И может быть, эта закалка заложила в нас уважение к любому виду труда? Мы не стали белоручками.

Характерная черта: весь наш класс поступил в вузы разных городов. Многие из нас еще долго впоследствии переписывались, догоняли нас запоздалые объяснения в любви.

Позднее я спросила нашего директора Надежду Николаевну Шипилину: как оно объясняет наше «везение», способность выдержать конкуренцию выпускников столичных школ? С укором она ответила: «Ты забыла, кто были ваши учителя...» Да, среди них были многие ссыльные, имена которых уже и забываются, но ребята запомнили увлекательные лекции по физике ученого М.Н. Долбровского, математика Е.И. Вульф и других. Они открывали нам двери

в большой мир и дали, несомненно, больше, чем содержится в школьных учебниках.

Хочется знать о судьбе каждого! Где вы, одноклассники? Ближится юбилей нашей милой Родины - Березова. Несмотря ни на что, эта малая Родина оставалась духовной опорой для нас многие годы, а сейчас - благодарной памятью.

Нелегко сегодня добраться до мест нашего детства. Не сможете приехать - откликнитесь! Напишите о себе! Как прожили жизнь? Куда стали? Верю - Людьми. Выпустил карту памяти, где отметил наши пути и остановки - пусть в России, пусть - в СНГ. Напишите в Ханты-Мансийск, в редакцию журнала «Югра», или в Березово, нашим учителям Добровольским Георгию Дмитриевичу и Евфалии Павловне - они патриоты нашего края, молоды сердцем, как в юности. Их адрес: Березово, ул. Собянина, 30. Пусть юбилей состоится с нашим очным или заочным присутствием.

Е.И.Бородихина (Гладких), выпускница Березовской средней школы 1949г., ныне кандидат философских наук, доцент Московского открытого технического университета.

На фотографии выпускники 1949 года.

ВЕРХНИЙ РЯД (слева направо): Нестерова Галя (в будущем - педагог); Черкашина Валя (педагог), Костецкий Валентин (зав. окроно, трагически погиб), Пустозерова Клава (?), Фрэнк Шура (?), Лиханова Таня (педагог), Фельдер Борис (?).

ВТОРОЙ РЯД: Белый А. (преп. физкультуры), Слинкин Саша (инженер, умер в 1991г.), Бесчетнов Костя (инженер), Элькис Соня (наш гениальный математик - где ты?), Копыльцова Анфуза Ивановна (преп. географии), Торопова Таня (врач, а в школе - главная певица и танцор), Добровольский Г.Д. (преп. астрономии и черчения)

ТРЕТИЙ РЯД: Тюстина А.М. (преп. химии), Шустова В.А. (преп. литературы), Кайгородова А.К. (преп. нем. яз., наша любимица, трагически ушла из жизни в 1950г.), Гладких А.Ф. (завуч, преп. русского языка и литературы), Тарасенко И.Р. (директор), Шипилина Н.Н. (преп. истории)

НИЖНИЙ РЯД: Беляев Вася (летчик), Гладких Елена (преп. философии), Пестрякова Лиля (врач), Созонов Анатолий (физик).

ПО СТРАНИЦАМ «КРАСНОГО СЕВЕРА»

Дар Амоко

«Мне доставляет большое удовольствие проинформировать Вас о том, что Амоко Евразия в качестве жеста доброй воли, отвечающего духу будущего сотрудничества, передает в дар городу Салехарду и Ямало-Ненецкому автономному округу комплект индустриального печатного оборудования...»
Официальное письмо такого содержания за подписью президента компании г-на Блэнтон поступило в адрес Совета народных депутатов, администрации Салехарда и Ямало-Ненецкого авто-

номного округа. Поставщик оборудования - организация Внешмалтиграф из Москвы - указывает, что ближайшим временем доставки может быть период между июлем и сентябрем.

Остается надеяться, что долгие разговоры о необходимости иметь в столице округа полиграфическую базу наконец-то прекратятся. Если, конечно, салехардские строители завершат к тому времени работы на здании окружной типографии, которые в очередной раз приостановлены из-за неподготовленности измененного проекта.

* * *

Рождение музея

В поселке Яр-Сале начал действовать районный краеведческий музей. Он «вырос» из школьного музея, уже несколько лет существовавшего в ярсалинской школе-интернате. Ученые Тобольского этнографического бюро во главе с А.В.Головневым помогли описать коллекции, разработали экспозитивный план.

Растет фонд музея. Есть здесь уникальные документы экспедиции П.П.Крузерштерна, который в 1862 году на шхуне «Ермак» достиг берегов Ямала. Музей начал формировать истори-

ко-краеведческую библиотеку. Тобольские ученые помогают составлять картотеку археологических памятников Ямала, культовых мест коренных жителей, экономических зон. Заказан слайдфильм «Святыни Ямала». Совместно с отделом образования районной администрации Ямальского района подготовлено к изданию учебное пособие для факультативных занятий по истории Ямала. Авторы пособия - один из ведущих этнографов России А.Головнев и директор Ямальского районного краеведческого музея Г.Зайцев.

* * *

«Окно на Север»

Большим событием в литературной жизни Надыма стал выход в свет первого в истории города двухтомного литературно-художественного альманаха «Окно на Север». В альманахе, подготовленном к изданию литературным объединением, выступили со своими произведениями 23 молодых поэта и прозаика. Известно, как трудно в наше время найти возможность издать первую книгу, да еще кол-

лективную. Спонсорами этого уникального издания выступили отдел культуры администрации города и производственное объединение Надымгазпром. Коллектив авторов выразил свою благодарность также городской типографии и акционерному обществу «Обдорья», принявшим участие в издании альманаха. Подобное издание - первое не только в Надыме, но и после четвертьвекового перерыва - в окру-

Мнение по поводу

Я слышала о размежевании манси и хантов в Ханты-Мансийском автономном округе. Разумеется, очень удивилась, но посчитала данное сообщение недо-разумением, слухом. Мало ли слухов об округе доходит до нас, живущих за пределами округа манси. Есть слух, например, о возникновении в округе мафии, самочинно, без участия манси и ханты сдающей их территории в аренду и т. п. Можно ли этому верить? Очень и очень не хотелось бы.

Но вот Свердловская киностудия показала телефильм о разъединении манси и ханты. Это, на мой взгляд, уже чрезвычайная ситуация. Возможно, те, кто решает этот вопрос, знают то, чего не знаю, к примеру, я. Но разве подобные вопросы решаются небольшой группой манси, показанной в фильме, без привлечения всего мансийского народа? Почему тысячи манси остались безучастными в решении своей дальнейшей судьбы? Ведь они имеют равные права с теми, кто решал вопрос о разъединении.

Я хочу напомнить моим землякам-манси и хантам о том, что даже в царское время, например, в XVII веке, в период насильственного обращения северных язычников в православную веру, или в XVIII и XIX веках, в период колонизации Западной Сибири манси и ханты не размежевались, держались вместе. Под напором властей они уходили в глухомань, все дальше и дальше на север, но не делились на две противоположные группы. Об этом можно узнать из многих научных источников. Рекомендую прочитать книгу: «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей», изданную в Санкт-Петербурге в 1907 г. под редакцией В. П. Семенова-Тянь-Шанского (Том 16. Западная Сибирь).

По данным дореволюционных историков России, манси и ханты свыше шестисот лет вместе и неделимо отстаивали в войнах свою независимость от притеснителей.

Манси и ханты слышали и знают фамилии известных венгерских, финских и русских ученых с мировыми именами, которые столетия тому назад и теперь изучали и изучают жизнь и деятельность как наших предков, так и нынешних поколений. Это Кастрен, Паштанов, Мункачи, Регули, Алквист, Каннисто, Сирелиус и другие. Наши российские ученые: известный северовед Чернецов Валерий Николаевич, доктора наук Зоя Петровна Соколова и Надежда Васильевна Лукина ни в одной из своих работ, ни в одном научном исследовании не говорили и не писали о необходимости размежевания манси и хантов. Наоборот, они всегда подчеркивали их общность.

Обратимся к книге В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной «Знакомьтесь: ханты», изданной в 1992 году. Они пишут: «...Отношения и связи, зародившиеся в незапамятные времена, ревниво оберегались традицией, закреплялись в обычаях, обрядовых действиях, религиозных верованиях. Разумеется, какие-то утраты были неизбежны, но стремление к постоянству оставалось неизменным...».

А что можно сказать с точки зрения этногенеза манси и ханты? Мы знаем, что мы относимся и относимся к финно-угорской группе уральской языковой семьи, которая имела свой общий праязык.

Приведу цитату об антропологии манси и хантов из книги «Мифы, предания, сказки хантов и манси», изданной в Москве в 1990 году под редакцией Н. В. Лукиной и с ее предисловием: «В антропологическом отношении ханты и манси являются наиболее характерными представителями уральского антропологического типа, к которому относятся также

селькупы и западные ненцы. По своим основным признакам этот тип занимает промежуточное положение между монголоидной и европеоидной большими расами.»

Такое традиционное сообщество хантов и манси существует века и в определенной системе. Его нельзя рвать. Кому же пришла в голову немудрая и неумная мысль о нарушении этого сообщества? Кому это на руку? Не по принципу ли «разделяй и властвуй» политики и государственные власти вносят в мирный северный народ смуту, разлад, зло, а в будущем и кровь, как это делается теперь в Грузии, Армении и в других странах СНГ? Уже хватит человеческой крови, пролитой в межнациональных столкновениях! Кому так сильно полюбились места современного проживания манси? Вряд ли им нужны сами манси. Всем ясно, свердловские власти, политики и промышленники перебрасывают «мостик» к манси не ради их самих, а ради приобретения более или менее богатых еще территорий.

Мы знаем, что в нескольких районах Свердловской области жило большое количество манси. Где они теперь? Почему эта область позволила своим манси исчезнуть с лица земли?

Дорогие земляки, не попадайтесь на длинную удочку, она быстро оборвется. Вам, как никогда, теперь надо жить вместе, дружно, обща с хантами. Только в единстве вы сможете сохранить себя, как народ, как общность и выйти победителями из нынешнего экономического кризиса.

Если в ваших отношениях появились негативные струнки притеснения кого-то кем-то, выпячивание одних и недооценка других, то и в этом случае не дай вам бог разбежаться по разным сторонам. Надо сесть за «круглый стол», разобраться и найти общие пути развития экономики и культуры в наше нестабильное время.

Нам могут возразить некоторые политики, что, мол, вопрос о разъединении хантов и манси решали они сами. Этому я лично не верю. Да, какая-то группа манси, наверное, хочет этого разъединения. Но я верю в то, что мои земляки не разорвут вековую общность без наличия для этого экономической, социальной, политической и нравственной необходимости.

За последние десятилетия мы неоднократно убеждались в том, что вопросы освоения северных богатств на территории Крайнего Севера и отношения к этому малочисленных народов Севера решались политиками и властями без какого-либо участия самих народов Севера, в том числе манси и ханты. Принимаемые решения, как правило, прикрывались желанием этих народов. Думаю, то же самое происходит и сейчас.

Парадоксально и то, что «центр» мансийской резиденции спланирован в г. Урае Кондинского района. Хочется напомнить кое-кому в округе о том, что для кондинских манси нельзя было издать то или иное, хотя бы учебное, пособие по родному языку. Мне всегда говорили о ненужности изданий по той причине, что, якобы, практически кондинских манси почти нет, тем более владеющих кондинским диалектом мансийского языка. Но почему-то теперь именно на базе этого Кондинского района хотят создать какой-то центр? Ведь нынешние кондинские манси не только продолжают утрачивать свой родной язык, но у них давным-давно нет своей национальной одежды, предметов быта и специфики в ведении хозяйства. Основное же мансийское население со своими традициями, обычаями и верованиями живет по рекам Сосьва и Ляпино.

Каким же образом мыслится практическое осуществление разделения территории проживания манси и хантов, их семей при современных смешанных браках? Насколько мне известно из нашей родословной, манси нашей семьи имеют семейные связи с десятью народностями, проживающими в Ханты-Мансийском округе.

Вся шумиха с разделением манси и хантов может и должна рассматриваться, как очередная вредная идея, подобная идее о повороте северных рек вспять.

**Е.А. Кузакова, канд. фил. наук,
г. Калининград Московской области.**

В.Белобородов

Дом на песке

(Некоторые факты и предположения, относящиеся к истории Березовского стекольного завода.)

Несколько лет назад при посещении Березовского краеведческого музея обратил внимание на витрину с образцами стеклянных изделий и был удивлен, узнав, что эти вполне симпатичные графины, стаканы, кувшины, изоляторы для проводных линий выпускались полвека назад на местном стекольном заводе.

Порывшись в научной и справочной литературе, узнал, что Березовский и соседние с ним Октябрьский и Советский районы обладают значительными ресурсами минерально-строительных материалов, причем, большей частью они были обнаружены попутно при разведке газовых, нефтяных и бурогольных месторождений. В сборнике «Сосьвинское Приобье», изданном в 1975 году в Иркутске, называются месторождения кирпичных глин, песчано-гравийной смеси, известняков, строительных и стекольных песков. Формовочные и стекольные пески были обнаружены при разведке Северо-Сосьвинского бурогольного месторождения. В Октябрьском районе на правом берегу Оби и по р.Малый Атлым имеются месторождения кварцевых песков с запасами соответственно в 6 и 12,5 млн.т., пески годны для производства стекла. В 1942 году, сообщается в этой же книге, Омской лабораторией строительных материалов по р.Вогулке, близ Березова, выявлены месторождения кварцевых песков.

Вот это последнее из упомянутых месторождений и было сырьевой базой стекольного завода. Во время последней командировки меня познакомили в Березово с Прасковьей Прокопьевной Копьевой, участвовавшей в разведке месторождений по Вогулке. Вели ее трое женщин-геологов из Омска и несколько рабочих, песчаные горизонты вскрывали шурфами на глубине 6 - 8 м.

Неясно, какой суровой целесообразностью было продиктовано решение о строительстве Березовского завода в военное время, но оно было начато и велось, как утверждают старожилы, с участием Ивдельлага несколько лет. А основная продукция - банка для рыбных консервов - стала выпускаться уже в послевоенные годы.

Нужно сразу сказать, что жизнь заводу суждена была недолгая, 1954 год оказался для него последним.

Поступившая в Салехардский рыбоконсервный комбинат банка при закатке лопалась - приходилось ее выбрасывать вместе с консервами. Для завода это означало смертный приговор.

Старые березяне чаще всего причину закрытия завода объясняют так: некачественным оказалось сырье - отсюда некачественное стекло. Но если кого-то вновь заинтересует возможность открытия стекольного производства на базе местных кварцевых песков, он не может удовлетвориться таким объяснением и должен будет внимательно изучить опыт сороковых - пятидесятых годов. В районном архиве хранится несколько папок с годовыми отчетами и другими документами - широко мыслящий хозяйственник-экономист, уверен, найдет в них обильную пищу для размышления, я же могу говорить только о некоторых впечатлениях и предположениях, представив читателю картину хозяйственной

жизни, пусть и неточную.

Бывшие работники завода утверждают, что производство вели неплохо подготовленные люди. Специалистами стекольщиками были директор завода П.Ф. Сорокин, заведующий лабораторией В.Е. Данилов. Рабочих посылали для обучения на Хватовский стекольный завод (по-видимому, в населенный пункт Хватовка Саратовской области), приезжали и оттуда мастера, передавали свой опыт. Местные березовские жители были заняты не только на подсобном производстве, но и в основном цехе «Гутта» в качестве стекловаров, засыпщиков, шуралей, наборщиков, операторов, тягунщиков, термистов. С другой стороны, бедность возможностей и ограниченность средств послевоенной жизни проявилась и в кадровом вопросе. Среди рабочих немало было молодых матерей, подростков, просто недостаточно подготовленных людей, которые не могли справиться с тяжелой и сложной работой. Из-за неумелого обращения происходили поломки оборудования, простои. Все это отмечали участники собрания актива завода, обсуждавшего в январе 1950 г. итоги года минувшего (протокол собрания имеется в архиве).

Спецификой послевоенной хозяйственной жизни, очевидно, объясняется и медленный темп развития производства. Завод работал уже в 1947 году. Но в феврале 1949 года учетно-балансовая комиссия Обь-Иртышского госрыбтреста, в который входил стекольный завод, констатировала, что рабочие основного производства выпустили за 1948 год 86 тысяч банок, производительность одного рабочего составила всего около 600 банок. Год спустя эта же комиссия отмечала: план по выпуску банок выполнен на 33,8%, завод выпускал ее лишь 56 дней в году, что обусловило высокую себестоимость продукции. 1949-й год комиссия назвала «пусковым периодом нового процесса производства», а исполняющий обязанности начальника цеха «Гутта» Н.Е. Егоров в начале 1950 г. говорил на заводском собрании: «в настоящее время мы готовимся к пуску основного производства».

Таким образом, подготовка к собственно стекольному производству растянулась по меньшей мере на три года. И это станет понятным, если обратиться к фактам, характеризующим условия, в которых работал завод. Взять хотя бы вопрос сырья. Карьер, откуда брали песок для варки шихты, был поблизости от завода, но это не освободило от серьезных затруднений. Из-за многоводья и по другим причинам не каждый год удавалось добыть и завести песок летом, а зимой добыча обходилась дороже. Автомобили «Студебеккер» часто и подолгу, по 2-3 месяца, простаивали в ремонте и приходилось на вывозке использовать лошадей - отсюда большие затраты ручного труда.

Второй местный сырьевой компонент - известняк - добывали в районе Саранпауля, на Ятринском месторождении и зимой свозили на оленях на берег Ляпина, а летом грузили на курсировавший здесь пассажирский пароход «Петр Шлеев» и доставляли в Березово. Прочее необходимое для варки стекла сырье - мирабилит, сульфат натрия, кальцинированная сода, огнеупорная глина - завозилось из далека, неоднократно при этом перегружалось и, наконец, доставлялось на баржах на завод, где из-за нехватки транспорта и складских помещений лежало под открытым небом и, разумеется, портилось (акт о количестве сырья, имеющегося на заводе на 31 декабря 1947 г.). Такое же положение отмечалось отчетно-балансовой комиссией треста в 1949 году.

При неразвитости инфраструктуры завод, который должен был постепенно вырастать в высокоспециализированное производство, вместо этого волей-неволей увязал в побочных занятиях, отвлекающих много сил: заготавливал деловую древесину, дрова, сплавлял их по воде, выпускал пиломатериалы, деревянные

ящики для рыбы, газогенераторную чурку, выжигал древесный уголь, известь, делал кирпич, держал два-три десятка лошадей и ставил для них сено. Большая часть из этих видов продукции шла не только на удовлетворение собственных потребностей завода, но и продавалась местным организациям и населению.

1950-й год, который должен был наконец-то стать годом полного развертывания основного производства, принес большие разочарования. Завод выпустил почти три миллиона банок, более чем вдвое перевыполнив план, но консервные комбинаты от березовской банки наотрез отказались. Чтобы хоть как-то выправить тяжелое положение завода, руководство Обь-Иртышского госрыбтреста 22 февраля 1951 года распорядилось из Тобольска произвести уценку банок выпуска 1949 года до стоимости стекломассы, а убыток отнести на себестоимость банок, выпущенных в 1950 году.

Все эти сведения позволяют представить более или менее ясно тип хозяйствования того времени - так сказать, хозяйственный почерк. Будь завод в частной собственности, он при таких результатах труда давно бы уже был остановлен, а владельцы разорены. Но здесь мы видим иное: коллектив, как и все, участвовавший в стахановском движении, состоявший из людей, привыкших выполнять задания любой ценой, не считаясь ни с какими обстоятельствами, так и не наладил производство той продукции, ради которой был создан. Завод превратился в обыкновенное предприятие местной промышленности, вроде промкомбината. И при этом просуществовал под названием «стеклозавод» восемь лет как образец директивной экономики.

Не хочу этой констатацией бросить тень на работника того времени. Наоборот, люди тогда трудились интенсивнее и с большим чувством ответственности, чем теперь. И руководители завода и треста, как можно предполагать на основе архивных документов, искали возможности расширить номенклатуру изделий и этим как-то компенсировать неудачу с основным видом продукции - консервной банкой. В феврале 1948 года трест просит Главсибрыбпром (находившийся в Новосибирске) выделить средства на приобретение форм для изготовления ламповых стекол и стекол к фонарям «Летучая мышь». По свидетельству бывшего работника завода В.Д. Мосинцева, был замысел выпускать оконное стекло. На 1950 год намечались испытания пресса для изготовления черепицы. Вероятно, были и другие подобные попытки.

Так или иначе все они не удались, и это подтверждают бухгалтерские отчеты. В 1948 году, помимо обязательной банкотары, было выпущено 329 графинов, 395 крынок и 156 прочих изделий, а в 1949 — 76 двухлитровых графинов, 1223 крынки, 147 чайных стаканов, 201 ламповое стекло, 210 трех- и четырехлитровых банок, 15 чернильниц и еще несколько десятков других подобных вещей. Конечно, все это не открывало обнадеживающих перспектив и не могло оправдать существования стеклозавода. И в начале 1955 года новый и еще более далекий хозяин завода Всесоюзный трест «Консервстеклотара» - принял решение его закрыть. Производственные мощности, здания и сооружения и сам коллектив, конечно же, были нужны Березову. Произошло слияние рыбозавода и стеклозавода - образовался доньне существующий рыбоконсервный комбинат, консервный цех которого был создан на базе цеха «Гутта».

Так закончился этот поучительный опыт - по всей видимости, преждевременный. В условиях того времени завод оказался домом, построенным на песке, и не устоял. Но опыт мог быть и более удачным при хоть какой-нибудь промышленной развитости района, наличии надежной транспортной сети, современной энергетики, достаточной емкости местного рынка и других благоприятных условиях.

КАЛДАН

Вода пошла на убыль, оставляя лоснящуюся полоску земли. Мужчины готовили калдан: по Оби идет муксун. Одновременно началась сенокосная пора - основной труд женщин и ребяташек. В этот период появляются тучи комаров и мошкары. Люди спасаются от них во время сна в натянутых пологих, в рабочее время накидывают платки, а от мошек мелкоячеистую мережу, пропитанную смолой или дегтем. С утра хозяйка разжигает дымокур. Комары, спасаясь от едкого дыма, опускаются к полу. В доме стоит серая пелена. Хозяйка берет веер из сложенных вместе гусиных крыльев, выметает комаров с дымом на улицу. Выставленное у двери ржавое ведро с коптящими гнилушками создает заслон для насекомых. Напущенный дым постепенно улетучивается через квадратное отверстие дымохода в потолке и на крыше. Такую обработку производят несколько раз в сутки, закопченные стены пахнут дымком.

Хили Семан готовит орудие лова. Взял рейку, выструганную из лиственницы, к ней привязал один край мережевого мешка и камень грузила за два просверленных отверстия, а к третьему отверстию привязал конец буксировочного шнура. Шнур, сплетенный из волоса лошадиного хвоста, удерживал калдан открытым. Оба шнура пропущены через кольцо.

Левый берег Оби напротив Емынкурта тянулся песчаным плесом на многие километры. Рыбаки приехали калданить из ближайших деревень: Катъськурта, Муликурта, Няръеха, Посткурта¹. Они построили односкатные и двускатные шалаши подальше от растительности, а значит и от гнуса. Идет рыбная ловля индивидуальными орудиями: у каждого свой калдан, каждый рассчитывает только на свою удачу. С восхода и до захода солнца плавают по течению реки на утлых лодчонках, тащат по дну калдан, делают небольшие перерывы для еды. Каждый мечтает поймать побольше осетра и нельмы, а при небогатом улове радуется и язю, и щуке. С максимальной нагрузкой используют безветренную погоду. Северок всегда затяжной, как разгуляется - так и знай, недельный отдых. Шалаши пустеют, народ на время разъезжается по домам, остаются только те, кто живет на другой стороне реки, ибо при шторме ее не переехать. В это время с Обью не шути, у нее нрав крутой: поднимаются высокие волны, река покрывается белыми барашками - сиди и жди погоду.

¹ Катъськурт - двойная деревня, Муликурт - сошная деревня, Няръех - бедный народ, Посткурт - проточная деревня.

С первыми лучами солнца рыбаки садятся в маленькие лодки, рассредоточиваются, выискивают места, где лучше ловится рыба. Утренняя тишина способствует улову - белая и красная рыба в эти часы опускается в глубину.

Один опускает калдан, второй поднимает, а третий едет против течения для очередного заплыва. Люди рыбачат молча, с завистью посматривая на соседа, когда он вытаскивает осетра или нельму.

Хили Семан поехал к началу заплыва, опустил калдан, поставил лодку поперек течения.левой рукой тянет буксировочный шнур, а указательным пальцем придерживает волосяной, подгребает правой рукой и веслом удерживает лодку в нужном направлении. Раскрытый калдан движется по дну. Буксировочная веревка играет на воде, то подходит к борту лодки, то отходит от него - сигнализирует о профиле дна.

Левый сосед старательно поднимает калдан, из мережевого мешка вытаскивает несколько щук. Правый, плывший ближе к середине русла, забеспокоился, начал выбирать веревку, из поднятого калдана вытащил муксуна. Хили Семану стало досадно, что нет признака улова у него. Несколько комаров уселось на лбу - больно жалят. Он наклонил голову, чтобы согнать их черенком весла, но вдруг резко дернула указательный палец веревка. Рыбак опустил волосяной шнур, тем самым захлопнул калдан, вытаскивает его за веревку. Сначала вышли грузила и рейка. Лодка развернулась, всплыл мережевый мешок с осетром. Хили Семан взял деревянный молоток, похожий на киянку, осторожно подтянулся к рыбе, ударил по голове. Оглушенный осетр вздрогнул и замер. Огромная рыба, вытянувшаяся вдоль лодки, лежала на дне.

Солнце высоко поднялось над рекой - рыбаки один за другим покидали плав, уезжали на обед к шалашам. На берегу горели костры, готовилась наваристая уха, чуть-чуть припахивающая дымком.

Об авторе. Посохов Кирилл Семенович родился и вырос в нашем округе. Отец по национальности ханты, мать - манси. Учился в Березовской семилетней школе, затем в педагогическом училище. Участник Великой Отечественной войны, офицер-артиллерист. Живет в Екатеринбурге.

Публикуемый текст взят из большой рукописи «Украденное счастье», переданной К.П. Посоховым в окружной краеведческий музей.

К.Посохов

Рис. А.Мухаметовой

Церкви и судьбы Березова

И. ШАБАЛИНА, директор историко-краеведческого центра пос. Березово.

Сто лет тому назад путешественник и писатель К. Носилов, как, впрочем, и многие другие, подъезжая к Березову, любовался его красивым видом, ясными и отчетливыми серенькими домиками, издали белеющей казначейской будкой, невысокими, старинной простой архитектуры, церквями.

Многое изменилось с тех пор в современном облике Березова. Снесена часовенка, разваливается казначейская будка, разрушены храмы, оттеснен жилыми постройками кедровник, ранее живописно окаймлявший городок. Да и от самого названия столицы обского края остался лишь отзвук: Березово - то ли село, то ли деревня, то ли поселок. Мне более нравится то название, которое еще употребляют старожилы: «Березов», так я и буду называть его в дальнейшем.

Четыре века прошумело над Березовом. Сотни судеб волею или неволею связаны с его историей. А проходили эти судьбы через березовские церкви. Сюда шли исповедаться, скрепить брак, поставить свечу перед иконой, да и просто ощутить тепло людей в горестном изгнании.

Первую церковь основали казаки, дав ей имя Воскресения Христова. Была она деревянная. Сюда казаки принесли икону с изображением Георгия Победоносца. Здесь же хранили и свое знамя. Недолго простояла церковь, во время одного из опустошительных пожаров сгорела. Другая церковь простояла до 1719 года и также сгорела. На ее месте в 1728 году А.Д. Меншиков строит церковь во имя Рождества Богородицы с приделом Ильи Пророка. Местные легенды утверждают, что эту церковь Меншиков строил своим иждивением и лично участвовал в работе. В нее князь ходил каждодневно. В летнее время Меншиков до богослужения садился на беседку, построенную на берегу, разговаривал с жителями о суете мирской, душеспасительных предметах. Близ этой самой церкви 22 октября 1729 года князь Меншиков и был похоронен. Позднее над его могилой была устроена часовня, куда дети его собирались каждодневно молиться об упокоении души родителя. Эту церковь зарисовал в 1740 году Кенигсфельд, адъютант французского астронома Делиля, экспедиция которого прибыла на север, чтобы вести наблюдение за движением Меркурия по диску Солнца. Позднее эти рисунки опубликованы в книге Делиля, которая вышла во Франции в конце XVIII века.

Меншиковская церковь простояла недолго, по вине пьяного трапезника в 1764 году сгорела.

В Березове того времени упоминаются также Одигитриевский собор, который находился на территории острога, и деревянная Спасская церковь, куда князем Меншиковым было пожертвовано много дорогих икон, украшенных жемчугом, священнических одежд и разной утвари.

Позднее построят березяне каменные храмы: в 1786 году на месте сгоревшей меншиковской - Богородице - Рождественскую церковь в 1792 году на месте деревянной Спасской - Воскресенскую церковь Казанской божьей матери. Впрочем, именовали последнюю березяне проще: Воскресенский собор.

Немалые богатства хранили те церкви. Из «Описания Березовского края» бывшего смотрителя березовских уездных училищ, члена Русского Географического общества Н.А. Абрамова (в книге «Записки Императорского Русского Географического общества», Санкт-Петербург, 1857 г.) мы находим среди достопамятных вещей Воскресенского собора иконы архангела Михаила и святителя Николая «древняго письма; принесенные первыми казаками... при основании Березовского укрепления. Образ архангела писан на доске длиною три четверти, шириною около десяти вершков, которая так ссохлась, что сделалась очень легкою. По краям и особенно по углам она истерлась и «призатрухла». Один нижний угол с обратной стороны, неизвестно в какое время, обгорел». На иконе изображен Предвечный - младенец и трапеца с хлебом приложения, потир и копье, которым он поражает поверженного «диавола» - крылатого льва с человеческим лицом; в левой руке евангелие, поднятое кверху; внизу изображен город с крепостью. «На иконе риза из серебряного листа с полинявшею уже позолотой древнейшей отделки не кованная, но резцом вычерченная с обратной стороны ризы. Оклад серебра золоченный шириною около 1 1/4 вершка чеканной работы.»

Еще более сей иконы другая - Николая Чудотворца. Святитель изображен в рост, в одной руке держит церковь, в другой меч; на святителе риза сереброзолоченная. Кроме того, находились в Воскресенском соборе две парчевые священнические ризы, на оплечьях коих по звезде ордена св. Андрея Первозванного. По преданиям и описям церковным известно, что одна из риз была шита дочерьми князя Меншикова, а другая Долгорукова.

Хранились в Воскресенском соборе, кроме того, Апостол и Молебник. На первой из них собственноручно княгинею было записано: «1764 года сентябрь 1 дня, сию книгу дала вкладу в церковь Всемилостиваго Спаса, что в Сибири, в Березовом остроге, на поминование своих родителей, представившихся тамо. Княгиня Елена, князь Алексеева дочь, Долгорукова».

Церковь Рождества Богородицы

Воскресенский Собор

Да простит мне читатель это отступление, но уж очень близко оно по стилю к надписи на серебряной чаше из краеведческого музея Березова: «В церковь Рождества пресвятые Богородицы приложил в поминовение своих родителей». Запись эта сделана четырьмя годами позже первой. Кем? Увы, пока не знаем.

В той же (Воскресенской) церкви хранился золотой медальон превосходной отделки, на лицевой стороне его, в самой середине, под выпуклым стеклом на белом атласе лежала свитая в кольцо прядь тонких светло-русых волос. По преданию, этот медальон принадлежал Марии Меншиковой и был передан церкви Федором Долгоруковым. Мария умерла от родов двумя близнецами и похоронена в Березове. (Там же был похоронен и Федор, не надолго переживший свою жену).

Пожалуй, наиболее полное представление мы имеем в настоящее время о Богородице - Рождественской церкви благодаря трем книгам, которые были бережно сохранены березянами и позднее переданы музеем. Это книги описи имущества, записей о браке и исповедальная. Немало интересного найдете в них при чтении.

Церковь каменная построена иждивением отставного унтер-офицера Данилы Афанасьева Кингорова и на пожертвования прихожан. Рядом с церковью «тщанием бывшего приходского священника Заборовского» был заложен двухэтажный дом священника. Особую помощь оказал при этом прихожанин отставной казак Андрей Алексеевич Кокоулин.

«Главы на той церкви с крестами железными, позолоченными. Листовым золотом покрыты и две главы, третья покрашена зеленой краской.

Одиннадцать окон с железными решетками, крашенными красной краской, и стеклянными оконницами.

В холодной церкви 6 окон, в каждой по одной раме, кои окрашены зеленой краской.

Еще пять окон в теплой церкви, в каждой по две рамы, крашены белой краской.

Пять дверей, первая с западной стороны при входе с крыльца. Двери распашные деревянные, частично до половины слюдяные, плотницкой работы, на железных крючьях.

Внутри деревянный пол, печь одна в приделе «длиною три аршина, а впоперечь два, голландская на железных сваях с одной трубою и вышкой, заслонка в печи железная, снаружи выбелена известкою».

Колокольня каменная связана с церковью. Вход на нее из паперти с западной стороны. Вход закрыт деревянной дверью тоже плотницкой работы. В «слухах» решетки деревянные.

На колокольне есть и диковинка: у основания креста колокольни из листового железа вырезан архангел и живописан красками, «при всяком ветре оборачивается около креста».

На колокольне шесть медных колоколов, из коих большой весом 54 пуда, второй 24 пуда 20 фунтов, третий 15 пудов 8 фунтов, четвертый 9 пудов 20 фунтов, пятый 32 фунта, шестой 1 пуд 8 фунтов.

В 1843 году, когда составлялась опись церковного имущества, была Богородице - Рождественская церковь не такая уж бедная. Хотя несколько икон было продано и деньги поставлены на приход. Но то были иконы в основном медные.

Внутри оной церкви два престола, главный престол находился в холодной церкви во имя Рождества Богородицы, а в теплой престол носил имя преподобных отцов Антония и Феодосия Печерских.

Образов по описи мы насчитали более 100. Образа были «живописны», многие украшены драгоценными камнями, жемчугом, а у некоторых «риза и венец серебряные с подзолотом». Помечены в описи иконы старинной работы, среди них образ Божьей Матери.

В описи перечисляется многочисленная и разнообразная одежда из бархата и др. дорогих тканей, украшенная золотом, серебром (ризы, поручи, набедренники, священнические пояса, плащаница).

Разнообразная церковная утварь: сосудов серебряных более чем 4 фунта, ковшиков на 32 золотника, тарелок - 53 золотника, а также кадила, подсвечники, лампы.

При церкви имелись книги, некоторые из них печатаны аж при Елизавете Петровне. Наряду с книгами церковного содержания были и исторические: «О просвещении инородцев в Березовском краю» - сочинение штатного смотрителя березовских училищ Абрамова 1846 года, «Материалы для истории христианского просвещения Сибири» того же автора 1854 год. и др.

Церкви белокаменные были разрушены в 30-40 гг. Воскресенский собор - до основания, снесены колокольни, растащены колокола. Часть имущества увезена в Тобольск, часть сгнила в кладовой бывшего райисполкома, часть исчезла.

Сейчас ведется речь о возвращении храма Богородице - Рождественской церкви (точнее, его останков) православной общине, но конца тем разговорам не видать. А землю окопо церкви общине уже передали. На этом месте заложили символическое захоронение Марии, дочери А.Д. Меншикова, скончавшейся в Березове, и фундамент для памятников генералиссимусу, сподвижнику Петра 1 А.Д. Меншикову.

Книги о Березове.

Т. ПУРТОВА, зав. краеведческим отделом окружной библиотеки

«...С годами, когда мне пришлось лучше узнать страну, я убедился, что почти нет такой деревни - даже самой захудалой - где бы не было своих замечательных историй и людей...»

К. Паустовский.

Журнал уже рассказывал о краеведческих изданиях из фондов окружной библиотеки г. Ханты-Мансийска. В этом номере мы представляем вашему вниманию литературу о Березове.

Имя Н.А. Абрамова хорошо известно тем, кто интересуется историей Сибири. Я расскажу о двух работах: «Описание Березовского края»(1) и «О введении христианства у березовских остяков» (2).

В последней автор, используя имевшиеся в то время документы, рассказывает о том, как митрополиту Лещинскому удалось на огромной территории распространить христианство. В этой же работе Абрамов рассказывает об остяцком народе, его праздниках, в частности, дано описание праздника в честь «идола Еляня». Об этом празднике мне лично никогда ранее не приходилось читать.

В «Описании Березовского края» содержится полная картина края в то время. Дан подробный этнографический очерк хантов, использованы предания, легенды. Представлены описания отдельных волостей, приводятся списки городищ с указанием расстояния до них от Березова.

«Березов, вскоре после основания своего, сделался местом заточения главных государственных преступников». Князь Дмитрий Ромодановский, князь Александр Данилович Меншиков с сыном и дочерьми, Долгорукие... Оказывается, в Березов в 1841 г. был сослан даже «бывший старший киргизский султан Кокчетавского округа, подполковник Габайдулла-хан, сын хана Валия, внук Албай-хана, имевший на андреевской ленте украшенную бриллиантами золотую медаль. Он удален туда за связь с киргизским бунтовщиком Кенисарю...» О том, как им жилось, чем ознаменовано их пребывание в Березове и еще о многом можно узнать у Абрамова. Он жил в Березове в 40-е гг. XIX века, был штатным смотрителем народных училищ.

Пекарский П. «Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Березов в 1740 г.» (3)

Академик Пекарский обработал выписки из дневника и писем Делиля и его спутника во время путешествия Кенигсфельда.

Экспедиция была задумана для наблюдения прохождения Меркурия через Солнце. Делиль оставил подробные записки о Березове, его людях. Были сделаны рисунки видов Березова. Дано описание народа, проживающего в крае, приведены некоторые хантыйские слова.

Губарев К. «От Тобольска до Березова»(4). Материалы представляют интерес для характеристики приобских хантов в середине XIX века. Вторая глава названа «Березов». Общий вид города, памятники древности, могила Остермана, состав общества, нечто о чиновниках, местная гастрономия, святочные увеселения, открытие женской школы, некоторые статистические сведения - таково содержание главы.

Из «Справочной книги Тобольской Епархии к 1 сентября 1993 года»(5) можно получить характеристику прихода двух действовавших в то время в Березове церквей.

Книга «Список населенных мест Тобольской губернии»(6). В предисловии пишется: «Это - необходимая настольная книга как для правительственных, общественных и частных учреждений, так и для каждого желающего иметь пособие при изучении данной местности или ознакомлении с нею. Для нас, современных читателей, не менее интересно, что же представлял из себя уездный город Березов в 1912 году.»

Эти издания в нашем фонде подлинные.

Не могу не назвать и машинописное издание: «Материалы по истории городов и сел, деревень, юрт Ханты-Мансийского округа (до 1926 г.)», собранные Ю. И. Гордеевым по литературным источникам, где Березову уделено значительное место.

Это только малая часть источников, с которыми вы можете познакомиться в окружной библиотеке, заинтересовавшись историей Березова.

Список литературы.

1) Абрамов Н. А. Описание Березовского края. Записки Импер. Русского Географического Общества.-1857.-Кн. XII.

2) Абрамов Н. А. О введении христианства у березовских остяков ЖМНП.-1857.-п 12.

3) Пекарский П. Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Березов в 1740 г.: Приложение. Записки Акад. Наук.-СПб. 1865.-п 3.-74с.

4) Губарев К. От Тобольска до Березова. Современник.-1863.-Т.94.-п 1-2.

5) Справочная книга Тобольской Епархии к 1 сентября 1913 года.-Тобольск: Типография Епархиального братства, 1913.-С. 32-33.

6) Список населенных мест Тобольской губернии. -Тобольск: Губернская типография, 1912.-С. 21-33.

Владимир Плесовских
Меншиков в Березове
(Размышления у знаменитой картины).

Скорбно бессилье и гнев властелина.
Лучик лампы на темной стене...
Я-березянин, и эта картина
Будто ожившею видится мне.
Вьюга в ночи одичалой сухой
Бьется о стены, скулит в трубе.
Зябко душе-
Ледяная скука
Будто навек поселилась в избе.
Чьи-то ворота бухают гулко,
Рвут тишину над дремотным селом.
В склепе ледовом стонет Вогулка,
Снегом по крыши дома занесло.
Ни наяву, ни в похмельных курьезах
Не был светлейший в югорском краю.
«Не был, так стало...
Березов, Березов,
Заледенил ты всю душу мою.
Слава померкла и страсти унялись.
Счастье?
Оно будто невский туман-
Было... и нет его.
С бурей умчалось.
Жизнь-суета и жестокий обман».
Мрак, а не думы...
Лишь свет от лампы
Призраком робким дрожит на стене.
Мечутся, стонут любимые чады:
Видно, пригрезилось что-то во сне.
Мыслит светлейший...
«Да было ли это?
Первая встреча с царенком Петром.
Смуты стрельцов и голодное лето.
Щедрость царя-звонкий рубль серебром.
Встреча вторая. У Франца Лефорта.
Фокусы, вихри потешных огней.
Царь... аль не царь - наваждение черта.
Кучер, а правит упряжкой свиной.
Дальше - походы. Где конным, где пешим.
Благо, копь на ночь в курную избу.
Степи Азовские! Нарва, Орешек,
Диво творения - Санкт - Петербург.
Славное время: победы, награды.
Если б не тайные козни двора...
Знали каналы, сторожким быть надо
В деле с порутчиком главным Петра.
Козни и плутни - удел властелинов
Злобных, во прах повергающих сил.
Давечь читали преданья эллинов-
Та же петрушка, что здесь, на Руси...

В. Плесовских.

Счастливое плавание

(Из неоконченной повести)

...Стучал катер. Деревянная посуда не очень талантливого конструктора-самоучки выплевывала из широченной трубы клубы черного дыма. За кормой «Рационализатора» (так называлось это «творение») раскачивался буксирный канат, провисший до самой воды, и на нем рыскал паузок, как брыкливый теленок на поводке.

Капитан, рискуя винтом, прижимался поближе к берегу, где течение было послабее. У перекатов катер с заметным усилием преодолевал тяжелые километры, а пассажиры, глядя на почти остановившиеся берега, откровенно издевались: «Шесть ден-семь верст. Только кусты мелькают».

«И чего смеются, - возмущался Сережка. - Говорил же капитан, что сейчас на этих перекатах течение раза в три сильнее, чем на нормальных участках реки. А к осени будет еще больше».

Сережка и все пацаны были убеждены, что на всей Сосьве сильнее «Рационализатора» ничего нет. Он развозил грузы по Сосьве и по Ляпину аж до самых Уральских гор. Подчеркивая чье-либо преимущество, они так и говорили: «Во сила! Как у «Рационализатора». Сам дядя Федя - общительный, прокопченный машинной гарью моторист - говорил, что в моторе катера двадцать пять лошадиных сил. И хоть не очень понятно было, как лошадиные силы попали в гроыхавшую железяку, но моторист лучше знает, что там внутри, и врать не будет.

Говорили, что есть на Сосьве еще один катер, «Коммунар», но у него и паузок поменьше, и труба поуже, и рейсы покороче. Словом, ни в какое сравнение с «Рационализатором» он не идет.

На паузе Сережкина семья оказалась неожиданно. Пришел как-то отец с работы, смущенно посмотрел на мать, подмигнул втихаря Сережке. Это всегда означало: «Ну, Серый, помогай». Достал из кармана аккуратно свернутый листок печатной бумаги и протянул матери.

— Собираем, мать, пожитки. Едем на Сосьвинскую культбазу открывать новое лесничество...

Утром все были на паузке. Натянут брезентовый навес, под ним марлевый полог от мошкар. И вот седьмой день они плывут по самой красивой реке - Сосьве...

Пока человек радуется и удивляется - он живет. Сережка не был мудрецом и не осознавал всей глубины этой мудрости - он жил и, казалось, светился изнутри от переполнявшей его радости. Вокруг было столь интересного: и дорога, и новые люди, а среди них целая компания пацанов.

-Чур, я Папанин!

-Я капитан Воронин!

-А я Водопьянов...

Это утренняя заявка пацанов. И каждый день на новую роль.

-А ты, Сережка? - спросил Костя Никонов.

-А я буду Осипенко! Вот!

Ребята уставились на Сережку и дружно захохотали.

-Чего смеетесь? Летчик, герой...

-Герой-то герой, но она женщина, - пояснил младший Никонов, Сашка. - Полиной Осипенко пусть будет Любка...

-Любка!? Во героя нашел!.. Да она мышей до смерти боится и на берег по трапу с мамой за ручку ходит. Герой!..

-Ну и пусть. Это же понарошке.

-Мышей-то она боится не понарошке.

Сережка обиделся и играть не стал. Он ушел на свое любимое место между бухтами запасных канатов. Здесь, на носу паузка, веял ветерок и было прохладнее, чем на смоленной палубе. Журчит вода под бортами, мягко хлюпают набегающие волны, эхо разносит многократно умноженные выхлопы катера. Закрой глаза, прислушайся, немного пофантазируй - и ты на ковре-самолете. Вот он ускоряет свой бег, хлопает под струями встречного ветра волшебная ткань, как гагара крыльями на взлете... Еще миг, и это уже не ковер-самолет, а вон то облако, похожее на росомаху. Оно все время летит впереди, отражаясь в спокойном зеркале Сосьвы...

Река, будто живая, постоянно меняет свое обличье. То кажется таинственной и угрюмой, если на берегу столбятся высоченные черные ели, то вдруг раскинется широко, заулыбается солнечными искрами, освещая веселое разнолесье, то станет торжественной и величавой, как сказочная царица под охраной осанистых богатырей - кедров.

-Ну, и подумаешь, - вслух повторил свою обиду Сережка, всем видом показывая, что ему нет дела до пацанов, он человек серьезный.

А они деловито шныряли по паузку, старательно, каждый в меру своей фантазии и актерских способностей, исполняя доставшуюся роль.

Костя - Папанин ухватился за брус руля. Почему-то сразу было решено, что без управления льдина дрейфовать не может. Костя Синицын - Воронин с «биноклем» - два полусжатых кулака у глаз - отдавал воображаемой команде короткие, но грозные приказы. Сашка - Водопьянов без передышки носился по палубе - никак не попадалась площадка для посадки «самолета»...

Дети - лучший экран общества. Никакие газеты, радио, лекции и доклады не могут в такой яркой, динамичной форме, с предельной концентрацией, как в талантливой пьесе, передать то, чем живет народ, как это отражается в играх детей. В те годы играли в папанинцев, «сражались» с фашистами в Испании и Абиссинии, «плавали» по только что открытому каналу Москва-Волга, «громипи» самураев на Дальнем Востоке, были чапаевцами и кронштадцами, повторяя в мельчайших деталях кадры полюбившихся фильмов, ставших составной частью биографии каждого и, пожалуй, не только ребенка.

Человек не только творец, но и мера всех вещей и понятий. В зависимости от обстоятельств, пола, возраста, профессии, даже настроения один и тот же объект измеряется разными мерками. Взять, к примеру, расстояние от Березова до Сосьвинской культбазы. Мать считала дорогу сутками, отец пристанями, где предстояла выгрузка (он «для разминки» таскал сразу по два мешка муки или сахару, за что его

уважали даже настоящие грузчики), капитан - перекатами: «Еще один прошли и винт не расхлопали», - говорил он, будто этот самый «винт» - главная деталь в катере. Матрос Ленька Кугин (его звали «осел» за способность шевелить ушами) - вахтами, а веселый моторист Федя Мальчиков - баками топлива: «Еще пять баков и мы на базе».

Мальчишки принимали все эти мерки, но была у них и своя. Она применялась только на пристанях. Отец смастерил коротенькие удилища с отвесными блеснами и научил ловить рыбу на стоянках. Сначала это показалось очередной забавой - «чем бы дитя ни тешилось, только бы под ногами не путалось». Но затея оказалась полезной, за полчаса мальчишки натаскали полное ведро щук и окуней. Сразу установили мерку - пятнадцать «хвостов» на блесну - и тогда можно было бежать на берег, поиграть на траве. Если у кого-то из пацанов рыбалка не получалась - выручала солидарность: этого за Костю, этого за Сашу, пока мерка каждого не будет выполнена.

Пассажиров немного. В основном молодой общительный народ. Познакомились и теперь как умеют помогают друг другу коротать бесконечное время. Одни приходят на пристанях, другие уходят, но те, кому на культбазу или в Саранпауль, держатся дружной семьей.

Учитель из Саратова, две девушки - выпускницы фельдшерской школы, радист Гриша Богданов, единогласно и навсегда избранный пацанами на должность «Кренделя», инженер Лариса Сергеевна и техник, ее помощник Толя.

Ларисе Сергеевне, Толе и еще двум парням - «топику» большому и «топику» маленькому - так называли этих топографов - надо было до Саранпауля, и они, привыкшие к походной жизни, устроились на палубе одной семьей. Из Саранпауля все они пойдут в горы, в ПУЭ — Полярно-уральскую экспедицию.

В четырех семьях — Сережкиной, Никоновых, Синицыных и Зелениных — десять ребятишек - шумная, неунывающая братва. Отец Никоновых - классный пекарь. Он ехал с заданием организовать на Сосьве выпечку настоящего хлеба. Для этого надо было построить пекарни и обучить людей. Синицын-старший — механик широкого профиля. Его дело - машины и механизмы, которых на севере появлялось все больше и больше. Зеленины - отец и мать — специалисты-метеорологи. Старший Зеленин часто повторял: «Наше дело - погоду делать, а ваше - запастись зонтиками или шубами».

В Алтатумпе на паузок пришли директор Сосьвинской школы Алексей Васильевич и молоденькая учительница Анна Иосифовна. Они объезжали юрты и записывали учеников в школу - интернат. Была еще одна пожилая женщина - агроном. Она первое время держалась особняком, казалась неразговорчивой и неприветливой. И имя у нее было какое-то старинное, очень трудное, которое в ребячьей интерпретации стало «тетей Сетой». Потом оказалось, что нашлись общие знакомые у нее и Синицыных, и это сблизило ее со всеми остальными.

Как-то «тетя Сета» разговорилась с Николаем Михайловичем, молодым учителем из Саратова, ехавшим по направлению.

-На Севере? Уже восемь лет. Можно считать коренной северянкой. Ехала по договору на три года, но вот как вышло.

-Но ведь это дело добровольное.

-Конечно. Силой никто никого не держит. Но вот поработаете свои три года - посмотрим, каким будет ваше решение. Я практически начинала с нуля, а когда собрали

первые урожаи, почувствовала - приросла, корни пустила...

Сережка сидел на своем излюбленном месте и слышал весь разговор. Тетя Сета стояла у борта, ветерок трепал густые черные волосы с серебряными ниточками редких сединок, лицо ее оживилось, в стеклах очков играла речная рябь, но казалось, что это ее глаза светились золотыми искрами.

«А она совсем не старая, как показалось, - подумал Сережка. - Наверное, такая же, как мама, только ученая очень, поэтому и очки носит. Очень старые и очень ученые - обязательно в очках...»

-А вы посмотрите на состав наших пассажиров, - продолжала она. - Люди самых разных профессий, самой высокой квалификации. Северу постоянно нужны свежие силы... Вот и появляются уже культбазы, школы-интернаты, больницы. До революции на весь Березовский уезд - от Кондинского до Обдорска - был один врач. Я уже не говорю об антисанитарии и поголовной неграмотности. Здесь, например, бытовал такой обычай: женщинам для родов сооружалась самая маленькая, грязная избушка. Мужчинам бывать там не только не разрешалось, но было оскорбительно... Так вот. Построили больницы, родильные отделения, а женщины туда не идут. С большим трудом врачи преодолели это препятствие - новая беда, мужчины стали отказываться от врачебной помощи, ведь там, где рождают, мужчинам бывать нельзя...

-Эти обычаи еще есть?

-В отдельных юртах все еще можно встретить... Но главное, все меняется очень быстро. Все учатся и грамоте, и новому образу жизни... Многие для этого делают и местные органы, и ГУСМП...

Из разговора старших узнал Сережка, что ГУСМП - это не один какой-то человек, а такая организация: Главное Управление Северного морского пути... А ведь однажды Сашка Никонов даже «зачурал» быть «ГУСМП». Правда, он скоро скис, потому что никакая фантазия не подсказала ему, и сам он нисколько не знал, что надо делать в этой роли. Вот теперь бы - другое дело. Главный - он и есть главный над всеми капитанами, летчиками и даже полярниками.

-О Сибири я много узнал еще в средней школе, - говорил Николай Михайлович. - Попала как-то в руки книга о землепроходцах. Я зачитывался ею. До сих пор помню наизусть целые страницы. Имена-то какие: Ермак, Хабаров, Дежнев! На последнем курсе написал письмо с просьбой направить в Сибирь и обязательно на Крайний Север... Отговаривали, пугали, друзья даже на смех поднимали... Но вот я здесь. У меня сохранились кой-какие конспекты, если хотите, я почитаю, что писали раньше о Сибирской земле и ее обитателях...

-Интересно...

-Вот запись путешественника - итальянца Плато Карпини. Он побывал в столице монгольских ханов и наслушался там разных разговоров. «Подвинувшись оттуда далее, они пришли к некоей земле над океаном, где нашли неких чудовищ, которые, как нам говорили за верное, имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были, как у ног быков, и голова у них была человеческая, а лицо как у собаки; два слова они говорили на человеческий лад, а при третьем лаяли, как собаки, и таким образом в промежутке разговора они вставляли лай, но все же возвращались к своей мысли, и таким образом можно было понять, что они говорили...»

-И он поверил?

-Представляю, как веселились «монголы»...

-А может они и сами верили, что такие чудовища есть на земле?

Пассажиры оживленно обсуждали услышанное, А Николай Михайлович тем временем листал свою объемистую тетрадь и нашел еще одну запись:

«Вверх тоя же реки Оби великиа, в той же стороне, есть иная самоядь, ходят по подземелью иною рекою день да ночь со огни, и выходят на озеро, над тем озером свет пречуден, и град стоит над тем же озером, а посада нет у него; и тогда шум велик слышати в граде том, как и в прочих градах; и как придут в него, ино людей в нем нет, ни шуму не слышати некоторого, ни иного чего животна, толико во всяких дворах ясти и пити много всего и товару всякого, кому что надобет, и прочь отходят, и прочь отходят: а кто без цены возьмет и как прочь отойдет, и товар у него исчезнет...»

-Во, фантазия! Так просто-запросто это и не выдумаешь...

Отец, обычно молча слушавший эти разговоры, на этот раз свое слово сказал:

-Фантазия-то фантазией, но она не выдумана, а, пожалуй, додумана. Вы обратили внимание, где стоят поселки местных жителей? У озера, возле устьев малых речек. Это одно, а второе - поселки без «пригородов» -десяток - два домов плотной массой, ни огородов, ни оград...

-Ну, сейчас огороды стали появляться,-заметила тетя Сета.

-Да, но не везде... И еще. Я много раз бывал в юртах, но нигде не встретил закрытых на замок дверей. Иной раз приедешь, а там ни живой души: рыба идет, все от мала до велика у запора. «Города» открыты, замков нет... А украсть? ... Нет такого понятия у коренных северян.

-И сейчас так же,-подтвердил Алексей Васильевич.-Таежники-вогулы — народ честный. Даже в тайге он никогда не зайдет на территорию, где промышляет другой охотник.

Взрослые постоянно вели такие интересные разговоры и, хотя не все было понятно, пацаны слушали, впитывая то, что было доступно их разуму. Так, слушая знающих людей, Сережка и открывал для себя новую землю.

В полдень, когда солнце палило так, что из палубы выплавлялись лужицы пахучей смолы, пассажиры прятались в тени навесов и пологов. Жизнь на паузе будто замирала. Шкипер уверял, что такой большой воды, как в нынешний паводок, и такой жары он не помнит за последний десяток лет. Только возле соймов - глубоких устьев таежных ручьев и речек, наполненных смоляной застоявшейся водой, отдавало короткой холодной волной воздуха. Там, в глубине соймов, поблескивали не успевшие растаять толстые глыбы льда, выглядывающие из-под разломов ржавого ила, намытого за зиму живунами.

Однажды в такой знойный полдень Костя Никонов мужественно «нес вахту» на рулевой площадке. И вдруг раздался его отчаянный крик:

-Ой, дяденьки! Ой, скорее сюда! Кренкель утонул!

Пассажиры выскочили из своих укрытий, засуетились. Аккуратно сложенная на корме форменка радиста была неоспоримым доказательством происшествия. Появился шкипер и первым делом отругал Костю: «Салага... Кто такие команды отдает? «Человек за бортом»-а ты что сигналишь?» Он принялся отвязывать старательно прикрученный спасательный круг и отвязал бы минут за десять, но его остановил дружный хохот столпившихся на корме мужчин.

Гриша, изнуренный жарой, не стал дожидаться очередной пристани, где можно было вдоволь поплескаться в реке. Он обвязался концом чалки-легости, другой закрепил на кормовом кнехте и прыгнул за борт. Костя подбежал к перилам посмотреть, что там плюхнулось в воду, увидел форменку радиста и поднял переполох, не заметив сползающую с борта чалку. Через минуту натянувшаяся легкость выволокла его на поверхность. Довольный своей выдумкой, он барахтался в воде, подтягивался к самой корме, нырял с оперения руля и снова опускался на весь прогон.

Ребятишки были в восторге и каждый готов был повторить «подвиг» Гриши. Вот только матери почему-то всегда против геройства:

-Не вздумайте, выпорю,-предупредили Костю и Сашку Никоновых.

В суете не заметили, что далеко в пройденном плесе над лесом поднялся столб густого дыма.

-Горит, что ли.

-Сушь, жара...

-Да нет, Дым вроде движется... Пароход!

-Может быть, обстановочный?

-Здесь один обстановочный, «Красная звезда», но он ушел от Березова вверх по Оби. Тут что-то другое.

Вскоре вопросы исчезли. Из-за поворота, бойко хлопая плицами, вывернулся белый полтораэтажный пароходик и стал приближаться к паузку.

-Все понятно, -догадался Алексей Васильевич.-В этом году обещали пустить пассажирский пароход до Саранпауля. Это его первый рейс.

Теперь забеспокоились те, кому надо было до конечной пристани.

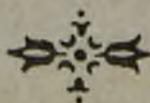
-Как нам перебраться на пароход?-волновалась Лариса Сергеевна.

-Это мы мигом, подмахнем, - успокоил ее шкипер, размахивая красно-белым флагом.

Катер, описав традиционный круг, прибортовался слева, а к правому борту медленно подгробал пароход, на корпусе которого красивыми буквами было написано: «Петр Шлеев». По размерам он был далеко не таким, какими представлялись пароходы; когда люди столпились на верхней палубе, он даже заметно накренился. Но все-таки это был настоящий пароход. Никто из встречавших его не мог знать, что «Петр Шлеев» на многие годы войдет в историю Сосьвы, в жизнь каждого человека, живущего по ее берегам, с ним будут связаны встречи и разлуки, минуты радости и горя...

Палуба паузка опустела. Только семейные продолжали путешествие, но дорога подходила к концу и никто из оставшихся не расстраивался. Вскоре катер вошел в крутую излучину Сосьвы, по правому берегу которой выстроились, как на параде, высоченные ели, а на обрывистом левом - свежие, красивые, похожие друг на друга дома, еще не потемневшие от времени.

-Вот и база, - объявил шкипер торжественно, будто делал всем подарок. А на самом-то деле просто к этому времени катер сжигал последние граммы топлива из тех, отмеренных мотористом дядей Федей, баков.

Редкое издание

В 1973 году мне подарили небольшую, 17х22 см., брошюру, всего 36 страниц, в темно-серой обложке из плотной бумаги. Сборник воспоминаний о гражданской войне на Севере был напечатан - трудно поверить - в 1924 году Березовской типографией. К тому времени я уже лет 15 занимался исследованием истории молодежного движения на Севере Западной Сибири и знал об этой книжке по большим цитатам в одной из рукописей, хранившихся в Салехардском музее. Но просмотрев не одну сотню литературных источников, нигде не встречал упоминания об этом издании, даже в энциклопедическом, с самой полной библиографией, труде М.А. Сергеева «Некапиталистический путь развития малых народов Севера».

К сожалению, тираж книжки не обозначен, но отсутствие цены и гриф - члену Березовской уездной организации РКП(б) свидетельствуют об ограниченном числе экземпляров. Обращает внимание полиграфическое оформление: разнообразие шрифтов, аккуратность набора, качество краски и бумаги, а текст посвящения - курсив с позолотой - до сих пор сохранил яркий искрящийся блеск. Конечно, время наложило свой отпечаток на стиль, орфографию и пунктуацию публикаций. Грамотность авторов и составителей оставяла желать лучшего, но главное в книге - оригинальное содержание.

Сейчас получили право на существование другие оценки тех событий, чаще - крайне полярные, но опять же без полутонов - просто произвели замену белого на черное. Но это, по моему мнению, взгляды писателей и ученых, они всегда вторичны. А березовский сборник - пусть односторонний (большевистская точка зрения), но - своеобразный источник - документ эпохи, написанный по горячим следам.

И правильно отмечалось в предисловии, что «если с этим делом еще помедлить то навряд ли можно было составить «Сборник воспоминаний». Открывается он обзорной статьей, своего рода исследованием (1/4 объема издания) секретаря Березовского

укома партии Григория Апполинарьевича Виноградова. Назовем лишь разделы: «Общие условия», «Север накануне бандитизма», «Действия вражеских сил», «Начало бандитизма», «Характер восстания», «Тяжелый урок».

Три трагических для большевиков страницы раскрывают главком Северного фронта по борьбе с кулацко-эсеровским мятежом Михаил Васильевич Хорохорин - гибель части отряда обдорских коммунистов и беженцев в д. Ошвор за Уралом; его адъютант Том Генрихович Томингас - предательская засада в д. Зенково и безымянный очевидец - разгром красного отряда в сражении под Карым-Карами.

Березовский военком Афанасий Лазаревич Пунтус пишет об отступлении северных коммунистических отрядов по трем направлениям - два маршрута через Уральские горы, один на Запад Ямала. А. Филиппов и З. Копыльцов дополняют его рассказами об эвакуации из Саранпауля и Обдорска за Урал. Участник третьего похода Бороздин описал свои переживания в бесхитростных, но со смыслом стихах, написанных на берегу Карского моря у радиостанции Марре-Сале. А. Филиппов посвящает свое стихотворение товарищам, погибшим в бою под Ляпином.

Вот и все авторские материалы. А в конце книжки, также на четверть ее объема, приводятся фамилии и краткие справки о жертвах гражданской войны. 13 человек, расстрелянных колчаковцами в 1918 году, 10 павших в бою под Карым-Карами, семеро - во время восстания в Обдорске 17 марта 1921 г., 29 погибших за Уралом, семеро расстрелянных в Обдорске, восемь убитых в Кондинской волости, двое - в Сартынье и Саранпауле. Среди них русские, коми-зыряне, ненцы, ханты и др. Напечатан акт осмотра замученных в Тобольской тюрьме 18 апреля 1921 года.

Документы и сохранившиеся строки участников и очевидцев гражданской войны на Севере - это голос самой истории, какой бы она ни была.

Н. Патрикеев

Березово - нуи земли

В №№ 3-6 за 1992 год нашего журнала печаталась документальная повесть Елены Грошевой «Преждевременная экспедиция», рассказывающая об «отпочковавшейся» от Тюменской Ханты-Мансийской геофизической экспедиции.

Сегодня мы начинаем публикацию новой работы Е. Грошевой, являющейся по сути продолжением ее документального повествования.

А.К. Шмелев: Березовскую буровую партию, как и Ханты-Мансийскую геофизическую экспедицию, в 1953 году ликвидировали «за бесперспективность». Еще раньше из Березово был выслан начальник буровой партии Александр Григорьевич Быстрицкий - за самоуправство. Он самолично решил вопрос о переносе точки, определенной под опорную скважину, на полтора километра ближе к реке Вогулка. Место, выбранное им, было удобнее и для бурильщиков, и для жителей поселка. Месторождения в данном месте не предвиделось, а для исследования земных глубин перенос скважины на полтора километра особенного значения не имеет. Но пренебрежение к геологическим рекомендациям и распоряжениям администрации до глубины души возмутило руководителей Тюменской геологоразведочной экспедиции, и Быстрицкий был сослан с севера на юг Тюменской области, в деревню Покровка - чтобы был на глазах.

Народу на Березовской скважине осталось - ну, может, на одну смену. Шел разговор, стоит ли вообще испытывать эту скважину, наверняка пустую. Но раз уж пробурили, один пласт, прифундаментный, простреляли и вовсе уверились, что там пусто. Дальше, если бы все шло без спешки, по правилам, задавили бы, зацементировали, и не узнали, что там газ. Но хотелось попроще, поскорее. И вот трубы поднимать - надо заливать скважину тяжелым глинистым раствором, но его же готовить надо, глину буптыхать, а зачем? Залили водой. Трубы поднимают - уровень воды в скважине понижается, надо бы доливать. А какой смысл, если скважина все-равно пустая? Ну и когда давление упало, газ вырвался, все трубы повыплевывал - аварийный фонтан. А все оборудование уже вывезено, уже и буровой мастер уехал - так и бросили до следующего сезона.

В это время остатки оборудования, техники и прочего имущества Ханты-Мансийской геофизической экспедиции плыло на баржах в Тюмень. Как только стало известно о Березовском фонтане, решено было возобновить геофизические исследования на севере, только не у Ханты-Мансийска, а в Березово. Караван развернули и очень оперативно доставили в Березово. Но создать там новую геофизическую экспедицию в этом же сезоне было невозможно: остатков старой не хватало даже на комплексную партию с отрядами сейсморазведки, электроразведки, гравиразведки. Доставить необходимое оборудование следовало во что бы то ни стало.

Река Тура к этому времени обмелела, поэтому грузы были отправлены из Тюмени колонной автомашин до Тобольска, к Тоболу. Дорога тоже была закрыта для проезда: дожди размывали. Начальник автоколонны Ребрин ехал на последней машине с дорожным мастером и подписывал акты о порче грейдера. Добрались до Тобола - речная навигация закрыта, плавная установка вытащена на берег. В аварийном порядке, с помощью обкома партии удалось заарендовать катер с баржей и до рекостава доставить оборудование в Березово.

Я.Г. Чусовитин: Бакены уже сняты, и вот мы шли еле-еле. Сосьва замерзла, но ледок-то тоненький, и мы шли, как ледокол. Причалили, разгрузились - нормально. И партия зиму отработала нормально, все завезли.

В.А. Гершаник: Задачей нашей в первый год было выяснить, каково положение фонтанирующей скважины в общем структурном строении. С тем, чтобы определить, где есть еще такие места, где может быть, лучше, где хуже - то есть, перспективы нахождения объекта газифицирующего, изучение его форм, структуры. Может, это складка или еще что-нибудь... Такая работа была целенаправлена и ближе к ожидаемому результату, чем все, что мы делали до сих пор. Здесь уже реально пахло газом! Объемы, которые мы должны были выполнить, по нынешним временам, мизерные, всего пятьдесят километров (сейчас партия за сезон «настреливает» до тысячи километров). Были намечены два профиля и один секущий их, один из профилей проходил вблизи фонтанирующей скважины. Мы справились с этими делом. Было установлено, что структура находится несколько северо-восточнее скважины. Даже эти маленькие работы позволили до начала следующего сезона (сейсмо-разведка в этих местах до сих пор проводит свои работы только зимой) заложить дополнительно четыре скважины. Одна из них, северо-восточная, разразилась фонтаном более интенсивным и абсолютно сухим.

О.В. Шкутова: Я в тот сезон работала мало, и не в родной гравике, а в электроразведке. Палаточка у нас стояла неподалеку от фонтана - ну и гудел же он! И все вокруг просолил. Воду для питья и стирки привозили в бочках.

Квартиру сняли у ссыльных украинцев. Неплохо они тут жили. Хозяйство держали, мы и продукты у них покупали. Витю я носила в «домик на курьих ножках»-стоял такой на окраине поселка. Там жила хантейка. У нее четверо своих детей, и нас пятеро, кажется, к ней носили. Внутри домика был настил на ножках, застеленный шкурами, и дети на этих шкурах. Чем она там их кормила - ума не приложу, но никто не болел. Ханты - они ведь очень любят детей, умеют с ними.

Потом, когда у меня второй сын родился, я нашла девушку-мансиечку, и уж двоих-то оставляла с ней. Мы тогда на работу почти сразу после родов выходили. И до родов... Мне две недели оставалось, а я еще с прибором по сугробам лазила - необъятно толстая, вся замотанная. Мой начальник Юра Копелев все ходил за мной и смотрел со страхом: боялся, что прямо в сугробе рожать начну.

А муж мой со всеми здесь перессорился: алкоголь, разболтанность... Не терпели.

Ю.С. Копелев: До Березово я успел год поработать в Тюмени, но, в основном, за книгами: кончил Горьковский Политехнический институт, ни о геофизике, ни о электроразведке понятия не имел. Почему послали в Тюменскую геофизическую экспедицию, не спрашивал. Мы же тогда как были воспитаны: раз сказали «надо», значит надо, и никаких разговоров.

О березовском фонтане услышал в поле, но с собой это событие никак не соотнес. Потом я отправился в экспедицию проситься в отпуск, а мне говорят: «Подожди, завтра вызовут.» А назавтра говорят: «Надо ехать в Березово.» Ну, я и поехал.

Летели на ЛИ-2. Еще не долетая до Березово километров десять, услышали гул скважины. Когда сели, и самолет свои движки выключил, уши заложило, хотя скважина от аэропорта находилась километрах в четырех. Такой непрекращающийся рев низкого тона. Фонтан бил высоко, кратер ледяной дорос до половины вышки. Метров двадцать - ледяная гора, оттуда вырывается фонтан и распадается соленым дождичком где-то там в вышине. Разносило скважины его метров на сто. Потом пес вокруг скважины погиб. Заткнул фонтан уже в июле пятьдесят четвертого года Быстрицкий. Это первое, что он сделал, вернувшись из Покровки.

Я первый раз был на севере, конечно, интересно было все. Ханты все в малицах, не поймешь, где мужчина, где женщина, олени, собаки... Березовские собаки, лохматые такие, большие псы, лежали возле каждого дома. И ни на что не реагировали, хоть ноги об них вытирай. Они такие добрые все там.

Поселок был большой - рыбзавод, стеклотехзавод, промкомбинат, колхоз, большая школа в здании еще царских времен, хороший клуб. Жило очень много высланных: немцы, украинцы, куча молдаван. Друг к другу привыкли, все свои, замками своих дверей никто не запирали. Первый год было трудно устроиться на квартиру, очень неохотно пускали, потом и к нам привыкли. Особенно хорошие отношения установились у нас почему-то со столовой. Она была одна - единственная на весь поселок, официально работала только в обед и ужин. Но нас с утра пускали с черного хода, кормили завтраком, причем можно было заказать, чего захочешь. Мы тут же заказывали, что нам на обед. Приходили - столы уже накрыты. Видимо, пользовались уважением. Надежды на нас возлагались, что вот-вот такое будет, промысла откроют... Наверное, и то играло роль, что были мы по тем временам высокооплачиваемыми. Это потом, когда стали всем прибавлять оклады, а геофизикам - нет, оказались низкооплачиваемыми.

В электроразведочном отряде у нас было две бригады операторов. Самый опытный, конечно, Бисеров, он нас всех и учил. А я - вроде старшего над ними, но тоже оператор, так же работал на приборе. И мотался между бригадами. В первый год у нас был такой профилик, километров сорок от Березово. Рабочие были, в основном, березовские. У меня подобралась теплая «бичевская» компания. Работали неплохо, но по выходным напивались вдрызг. А один раз прихватили что-то с собой. Мне показали на градусник - было сорок градусов мороза - и заявили, что день нерабочий. Я спорить не стал, но напомнил, что они на сдельщине, а я на окладе. День сидел ремонтировал аппаратуру, а они в соседней палатке «гудели». На следующий день пришли звать на работу. Теперь уже я им на градусник показываю: минус сорок два. На третье утро рабочие выехали на профиль самостоятельно, не дожидаясь меня.

Геофизиков первый год было немного, но жили дружно и весело, встречались часто: с Гершаником и его сейсмиками каждый день.

К.Ф. Копелева: Я работала у Гершаника вычислителем. Наша «передвижная камералка» помещалась балке на санях. Любили сюда наведываться ребята: погреться, поболтать, покурить. Ко мне все относились хорошо, по-дружески. С начальником работалось легко. Гершаник тогда увлекся фотографией, я еще и после работы помогала ему печатать. Естественно, окно завешивали, свет гасили, так что в конце концов о нас пошли нехорошие слухи. Мне казалось это очень смешным. Все ребята мне нравились. А как они пели! Получился замечательный мужской хор. Удивительный, сильный и

красивый голос был у Гершаника, Копелев прекрасно пел. Пел и смотрел на меня. Он был самый молчаливый и серьезный, мы с ним почти не разговаривали, но в такие минуты я видел только его и была совершенно счастлива.

Я ведь и в Березово поехала не за романтикой, а за Юрой. Он мне сразу, как только я увидела его в Тюмени, показался каким-то необыкновенным. Все тюменские геофизики были веселыми, компанейскими, уверенными в себе, а он казался застенчивым, нелюдимым. Кто-то узнал, что рос он в детдоме, и наши девушки принялись отогревать его. Например, заявляли: «Юра, завтра у тебя день рождения, мы к тебе придем!» - «Да, но у меня день рождения в декабре, а не в июле!» - «Это не имеет никакого значения!» И заявлялись с подарками и угощением. И вот когда он уже уехал в Березово, мне предложили ехать туда же. Я согласилась немедленно, с восторгом! Потом одна из подруг, ужасно жалевшая меня, что приходится ехать в такие страшные места, пошла выяснять, какой оклад мне дадут. Вернулась возмущенная, уверяла, что таких маленьких окладов вообще не бывает, и его противозаконно выдумали специально для меня. Но мне это было совершенно все равно. Ведь дело не в том, где жить...

В двадцать лет я заболела туберкулезом легких. Лечили в Москве. Там было много таких, как я, двадцатилетних.

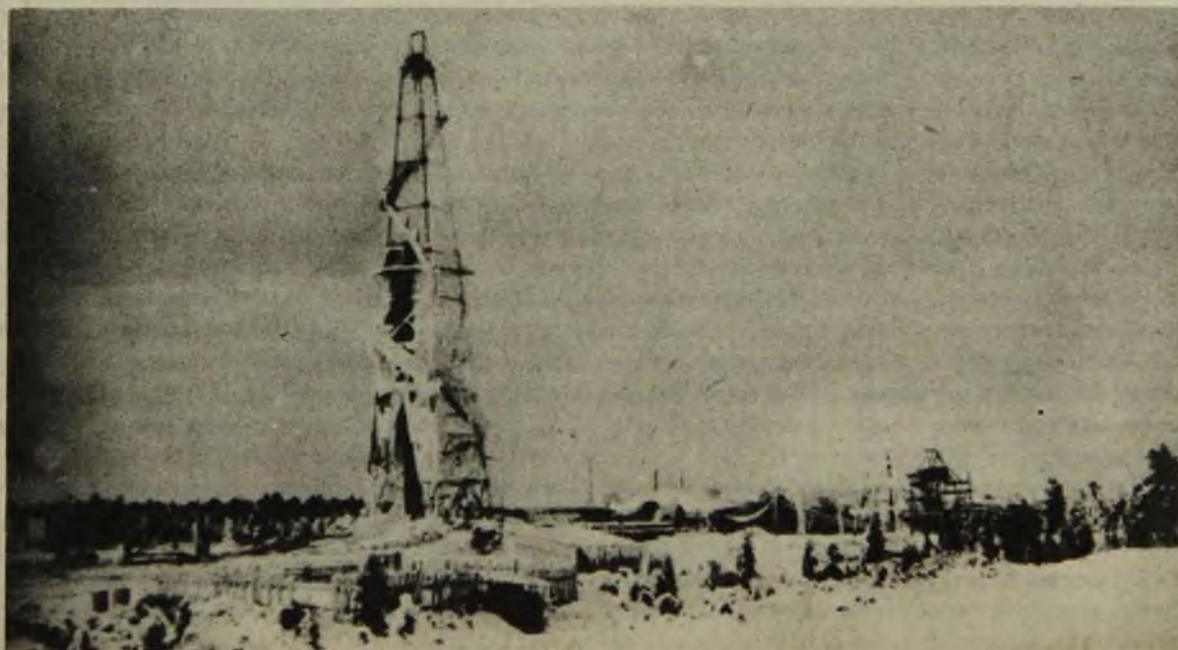
Погибли все очень быстро, печить-то нас было нечем. Начали делать операции на легких (до тех пор считалось, что к легким прикасаться нельзя)-они были неудачными. Со мной в палате лежала девушка, мы очень подружились. Ей сделали операцию, и она погибла... После этого меня оперировать не стали. Каким-то чудом я выжила, вернулась в Тюмень с диагнозом «практически здорова», поступила в пединститут. Но и то время было для меня ...очень плохим. Умерла мама, отец женился на молодой женщине, в институте объяснили, что с детьми все-равно работать будет нельзя... Я никому не была нужна. Подруга (тогда она была просто знакомой по школе) позвала работать с ней в Тюменскую геофизическую экспедицию - только создающуюся. Мне было все-равно куда, но хорошо, что не одна. Потом в экспедиции стали появляться новые люди - молодые, веселые. Может, и я казалась такой же, но чувствовала себя в стороне. Основная работа шла в партиях, а я только выезжала туда ненадолго. Конечно, это было совсем не то, что в Березово!

После зимнего сезона мы втроем (Виктор Гершаник, Юра и я) возвращались в Тюмень по Оби. Это было самое чудесное путешествие и самое счастливое время в моей жизни. Вернувшись в Тюмень, я взялась всех уговаривать: «Поехали в Березово! Там так хорошо!»

А.К. Шмелев: После всех «вредительств» в Ханты-Мансийске я еще весной 53 года поехал в Москву, к главному инженеру Главнефтегеофизики Владимиру Всеволодовичу Федынскому. Рассказал ему о своих делах. Он выслушал внимательно, предложил направить на работу в геофизические экспедиции в Пермь или Абакан (в Абакан - с предоставлением квартиры), но заключил: «А лучше - возвращайся в Тюмень. Там будет огромный разворот работ. Люди очень нужны».

Вернулся с новым начальником Тюменской геофизической экспедиции.

(Продолжение следует)

На фото: буровая после аварийного фонтана

Тропинки

В проекте работ четкая и сжатая формулировка: «Район работ отличается полным бездорожьем и совершенно не заселен».

... Из тайги навстречу нам выпрыгнула тропинка. Она прохрустела прибрежной галькой, прошелестела осокой болот и, грудью ударив в заросли тальника, тихо и словно застенчиво позвала за собой. «Идем за мною», - шепнула она и чуть раздвинула глухую темноту леса. Она иногда замирала, запутавшись в кустах, металась меж сосен, исчезала, точно проваливаясь сквозь землю, и внезапно вновь появлялась, примяв мох. «Ничего ... ничего», - шептала тропа и, растерявшись перед болотом, в горячах, с разгона, прыгнула и увязла по колени, уткнулась в кочки.

Троп много.

Они пересекают плоские вершины, карабкаются в гору и вместе с глыбой срываются в долину, умываются в бродах и смеются плеском перекатов. Или, бросившись с обрыва, тонут навсегда. Извиваясь, вползают под камни, петлей изгибаются у пней, блестят меж темных деревьев, погружаются в трясину и с трудом выползают, словно вытаскивают себя из расквашенного нутра болот. А над глубокими, узкими реками прыгают по стволу поваленного кедра.

Их много, троп. Проторенных, словно врезанных, или едва заметных, точно затаившихся.

Немало троп заросло травой.

Навсегда.

То ненужные тропы.

Погасли шаги, поднялась, выпрямилась смятая трава - исчезли следы.

Проторенные тропы - это жизнь. Это тропы-капилляры. Они приводят к воде, к корму, к артериям больших дорог. Их пробивают лишь сильные ноги.

Тропы эти угадываются по сдвинутому в сторону камню, по сломанной ветке куста, по вывернутому пню. На тропе можно найти окурок или оброненный нож, разбитые нарты и старый хорей. На счастье можно найти подкову. Возле тропы - выжженные, почерневшие круги костров, клочья шерсти, выбеленный дождем скелет ветроногого оленя.

И если нанести все тропы - ручейки, все дорожки - речушки на карту, то в сложном переплетающемся узоре их обозначится стрела - с юго-запада на северо-восток. Через узор троп явственно прозвучит эхо, далекий отзвук тех, кто первыми проложил этот путь.

Будь славен, первый! След в след... За ним, за первым!

Тайга и горы нас приняли тропую.

Вьется, вьется тропа, сольется с ручейком, войдя в его прохладное русло, притихнет под его волнующей рябью, умытая прыгнет на берег, примет в себя звериную тропу, скользнет в долину, пробежит через зябь трясины и приведет... наверняка, приведет к дороге, к реке, к живому.

В проекте работ четкая и сжатая формулировка: «Район работ отличается полным бездорожьем и совершенно не заселен».

Сазонов Геннадий Кузьмич (1934-1987) - известный тюменский писатель, автор многих книг прозы. С 1958 по 1974 гг. работал полевым геологом Саранпаульской экспедиции. В походах рождались его первые новеллы.

Дороги весны

Что нынче дела и тревоги,
Обиды и споры до слез?
К озерам уводят дороги
Под шепот весенних берез.
Предвестник удачной охоты -
Костер на поляне горит.
Крикливых гусей перелеты
В оранжевом свете зари.
Все дышит, тревожится, плещет,
И в шуме том силуюсь понять
Лесов целомудрие вещей
И рек полноводную гладь.
Мне нравится эта погода -
То снег и туман, то дожди,
От сна пробуждаясь, природа
Весеннюю песню трубит.
Зовет в необъятные дали
По Сосьве, могучей реке.
Сегодня не место печали,
Сегодня не место тоске.
Стою у лесного порога
На поле, промокшем от рос,
Свою выбираю дорогу
Под шепот весенних берез.

* * *

Что мне боль и что тревога-
Это просто полбеды,
И всего одна дорога-
На скамейку у воды.
Просидим, переглянемся,
Затаим немую боль,
И друг друга не коснемся,
Просто вспомним
Няксимволь.
Мы с тобой не виноваты,
Жизнь сложилась, как беда.
Далеко до Полновата-
Близко талая вода.
И березы - будто в марше,
И заботы, и дела...
Пусть косынкой мне помашут
На окраине села.

Анатолий Белый родился в 1951 году в д. Тутлейм Березовского района в семье охотника-ханты. Стихи публиковались в районной, окружной, областной газетах. Живет в Березово, работает в редакции газеты.

В гнездышке одиноком...

Маленькая повесть

Глава 1

Сегодня она уходила к нему. Сорок зим без него прожила... Сорок лет без него прожила... Все исполнила в Среднем мире, спокойно уходит. Детей, кого смогла, схоронила, внуки - взрослые, правнуки растут. Их время жить в Среднем мире, а ей пора в Нижний: в том уже глаза плохо видят, уши плохо слышат.

Пора, давно пора уходить.

Анна перебирает в памяти: все ли взяла с собой для дальней дороги. До Нижнего мира дойти да и там без нужды жить.

«Много платьев с узорами возьму, подола бисером вышиты... Внучка вышивала, мужу расскажу... Нужно бисер с собой взять. Как буду в Нижний мир спускаться, вдруг мышка за мной побежит, я ей бисеринку и брошу, пока грызет - дальше убегу. Да и узоры мои сложные, побежит мышка по ним, запутается...

Теперь внучка в большом городе, большим бумагам учится. Не надо ее звать, ехать далеко... У нее ум свой, пусть теперь в больших бумагах разберется...

Вспомнилось давнее... Стилое зимнее утро принесло в маленькое стойбище тревогу.

Анна открыла глаза. Темно. Потрогала рядом стоящую люльку, прислушалась к дыханию сына. Здесь все спокойно. Слева ощутила спящего мужа. Его присутствие всегда рождало в ней внутреннее тепло, которое разгоняло сомнения. Она осторожно погладила мужа по волосам. Теплота и нежность плавно разлились по телу.

Стало спокойно. Сон опять пришел к ней.

Но страшное предчувствие снова выхватило ее из сна. Осторожно, чтобы не разбудить мужа, Анна выбралась из-под уютного саха.¹ Отверстие чума едва светилось. Привычными движениями она нащупала дрова, бересту, высекла огонь, повесила чайник. Сухие дрова разгорались быстро, свет пламени осветил ее чум, детей, мужа. В жилище входило тепло огня. Но это тепло грело лишь лицо и руки и никак не проникало в нее, не глушило предчувствие беды, тревога продолжала нарастать.

Анна обвела взглядом свое жилище, где каждая вещь обласкана ее руками, руками мужа. Настороженно прислушалась к спящим: «Неужели злые духи пришли в дом? Или завистливые люди напали болезнь? Восемь детей родила мужу и все восемь сегодня спокойно спят в нашем доме!..»

Сердце дрожало. Анна не могла, как всегда, беседовать с Тут-имие² и ждать, когда закипит чайник и проснется ее странная семилетняя дочь Татъя. Раньше всех просыпается девочка, сразу к очагу садится, смотрит в огонь, молчит. «Не простую судьбу, видно, при рождении гадающие женщины ей нарекли. Наверное, в род отца пошла, силу шаманскую имеет... Вот и огонь ей что-то тайное сообщает...»-думает женщина.

Мысли о Татье не рассеяли предчувствие беды. Анна достала из мехового мешочка кусочек белой ткани. Вернулась к огню, стала шептать молитвы и заклинания. Она обращалась к земле своего рода, к духам своего рода. Молилась Небу-отцу, Земле-матери...

Затем расправила ткань, накрыла ею костер, но пепел не поднимался как обычно, а оседал, прилипал к поленьям. Духи не принимали жертву. Беда идет. В стойбище идет беда!

Каркам эви-проворной-называли Анну, среднюю дочь Максьюма. Старшую и младшую замуж отдали, а средняя дочь украшением дома оставалась. По многим ближним

¹ Сах — женская меховая одежда;

² Тут-имие — по хант. представлениям, дух огня, очага.

и дальним родам весть о трудолюбивой красавице шла. Лучшие женихи сватов засылали. Да не хотела Анна замуж. Мать стыдилась своенравной дочери, бабушка ругивала внучку, а Максюм не неволил, всегда уважительную причину находил: такую, чтобы и сватов не обидеть. Злобные языки порочили Анну. Да не льнут их слова к ней. О ее трудолюбие да веселый нрав разбиваются.

Вспоминает Анна, как по первому снегу летела она на лучших оленях отца: далеко, весело разносился звук колокольчиков упряжки. И на ней - она в белом сахе, сшитом своими руками. И сейчас помнит она каждую стежку орнамента. Мир и покой отчего дома, мечты о будущем вкладывала в работу. В самую комариную пору не боялась Анна за морошкой ходить. Жужжит гнус, в нос, в глаза лезет, мелодично позванивают накосные украшения. А руки так и мелькают - ни один комар сесть не успевал.

«Да, проворная я была», - думает Анна и звуки оленьей упряжки, мелодия девичьих украшений сопровождают ее в Нижний мир.

Караваном оленьих упряжек пришла беда в стойбище. В полдень собаки, чувствуя приближение чужаков, начали скулить, а затем подняли оглушительный лай.

Старшие дети высыпали на улицу. Анна, занятая шитьем, боялась поднять на мужа глаза: чувствовала, что творится в его душе. Их обманули, выдали. Лживую весть по тундре пронесли. Убеждали - возвращайтесь, люди, не тронут вас. Кто поверил, поспешил свои следы распутать, горькой бедой расплатился. Теперь вот и их семья останется без кормильца. Почти год с другими семьями по тундре кочевали, оленей растеряли. А детей кормить надо...

Упряжек было около десяти-пятнадцати, приехавшие разговаривали на русском и хантыйском языках. Входное отверстие чума раскрылось, вошли двое. Один, видимо, моймский ханты, одет в красивый белый гусь,¹ второй с ружьем, чужой. Анна вскочила, достала малицу мужа, подала. Тот оделся и вместе с вошедшими вышел на улицу. Анна машинально качнула люльку сына, накинула сах, вышла вслед за ними.

По стойбищу бродили вооруженные люди: осматривали грузовые нарты, выискивали оружие, съестные припасы, пушнину, меховые одежду и обувь. Все сбрасывалось в кучу. А на нартах, с опущенными головами, сидели связанные по двое знакомые ханты.

Из соседнего чума вытолкнули его хозяина, связали в пару с мужем Анны, усадили на нарты.

Младшие дети, перепуганные невиданным скоплением людей и лаем собак, подняли рев. Анна крикнула старшей дочери, чтобы отвела их в чум, а сама подошла к мужчинам; отгоняя старых перед случившимся, тихо сказала:

- Суд обязательно правильно решит. Вы скоро вернетесь домой.

Женские слова и есть женские. Мужчины же, знавшие, и понимавшие больше, не имели надежду на возвращение. Им было тяжело и больно за жен и детей. Выживут ли? Черная тоска стояла над их головами. Сильные, ловкие охотники, они были унижены, раздавлены, беспомощны.

Вечером приезжие заняли соседний чум, а его хозяйка Дарья с детьми перешла к Анне. Не угасал в эту ночь огонь ее жилища.

Наконец, в стойбище пришло утро. Засуетились люди. Анна вышла на улицу. Проводники ханты деловито запрягали их ездовых оленей. Небрежно, даже не стряхнув снега, бросили в нарты белый и темный неплюй,² что приготовила она для саха. А как мечтала Анна в новом узорчатом сахе людям показаться, мол, вот не потеряли ее глаза зоркость, не потеряли ее руки ловкость.

Ни у кого из ее ровесниц нет такого аккуратного и тонкого стежка, ни у кого из ровесниц не хватает терпения такие тоненькие жилки для шитья орнамента плести...

¹ Гусь — мужская меховая одежда;

² Неплюй — шкура оленя летнего забоя.

А чужие люди небрежно кидают в нарты выходные кисы,¹ топоры,² гусь. «Будто покойника снаряжают», — холодом пронзило Анну.

Перехватив взгляд мужа, Анна, пересиливая себя, как-будто ничего не случилось, стала давать привычные распоряжения детям:

-Марья, почему дров в чуме мало? Вара, сходи за снегом. Татьяна, почему собак не кормишь? Анна смотрела только на мужа, она верила предчувствию, которое говорило, что отца своих детей она видит в последний раз. Юван смотрел, как нарты глотают белчиьи шкурки, лисиц и выдру-все, что добыл он в этом году и на что можно было купить муку, соль...

«Нет, не выживут мои дети. Сыновей до поры зверя-рыбу добывать не успел вырастить. А жена хоть и сильная, да все же женщина. И ружье забрали. Нет, не выживут...»

Анна глубоко чувствовала мысли мужа.

Юван просил начальника стражи, чтобы оставили женщинам еду и ружья.

-Нельзя человеку в тайге без ружья, — объяснил он. Но тот от его слов пришел в ярость.

-Да ваши остячки нас тут же прихлопнут. Вон возле Помута нашлась такая...

-Не будут наши жены стрелять, — пытался вставить Юван. Но не слушал его начальник:

-Мы их из дерьма вытаскиваем, а они, твари неблагодарные, руку против Советской власти подняли... А жрать захотят, сами к нам приползут, — заключил он.

Обоз погрузили. Нарты двинулись в путь. Все опустело. Только на снегу валялись оказавшиеся ненужными вещи. Собаки, отвязанные от нарт, не лаяли вслед уходящему обозу, а, виновато опустив глаза, ласкались к детям.

Анна стояла на улице, пока не исчезла последняя нарта обоза. Затем пыталась заняться будничными делами, но духи насмеялись над женщиной, покинутой мужем — всякая работа валялась из рук.

Она сепала к огню. Всем своим существом она ощущала полную пустоту вокруг. В душу и сердце заползал холод. Дети, придавленные ее молчанием, съежились и тоже молчали.

Анна прислушивалась к Тут-имие-огню, но он ничего не рассказывал. Люди и огонь домашнего очага неотделимы друг от друга. Беда этого дома и огня беда. Людям нужны тепло и ласка Тут-имие, а разве может огонь без людей разгореться? Это руки человека каждый день готовят дрова. Это руки человека высекают первую искру. А если обессилеют эти руки, а если остынут эти руки...

В люльке заплакал сын. Татьяна соскочила, поднесла ребенка матери.

«Проворная, в меня», — подумалось Анне.

Анна накормила малыша, поставила столик для еды, позвала детей. Но они со страхом смотрели на мать, только глаза безмолвной Татьяны, любимой дочери мужа, излучали понимание и боль сочувствия.

Анна взяла топор, нарточки для дров и ушла в лес.

... Мелодия девичьих украшений сопровождала Анну в Нижний мир. Вновь перед глазами пора юности. Созрела она, созрела для любви и ласки. Бурлят в ней великие женские силы, и то смеется она без причины, то вдруг темная тень накроет ее лицо — подумается, что нет в мире того юноши, кто с ней вровень встанет. Глубоко прячет Анна и другие свои мысли, когда идет она по песчаной тропинке белягельного бора, кажется ей, что Великая Казымская богиня ее руки и ноги силой наливает. Рубит ли дрова, чувствует размах богини-богатырши, едет ли на колданке, чувствует в руках силу богини-богатырши. Сети ли убирает, на оленях ли мчится — рвется из уст ее песня — легенда Казымской богини. Кажется Анне, что похожи они друг на друга. В этом великая тайна девушки.

И вот заводит она песню про Казымскую богиню-богатыршу.

¹ Кисы — зимняя меховая обувь;

² Топоры — зимняя меховая обувь, одеваемая на кисы во время длительных переездов.

... Жила она с братьями. Способной и сильной была богиня и в разных животных могла превращаться. То черной кошкой в отверстие чума проскользнет, то сободем по лесу мчится. И на охоте удачливее братьев была. Да пришло ее время замуж выходить. Приспал сватов самый сильный, самый ловкий рыбак и охотник, что стрелой любого зверя, любую рыбу в глаз убивал.

-Продайте сестру, - просят его сваты.

-Нет такой цены, - отвечают братья.

Отказали.

Услышала девушка разговор, кольчугу накинула, мужчиной оделась, сватов догнала. Молва о юноше давно по земле шла, нравился он Казымской богине. Договорилась.

Так и вышла замуж Великая Казымская богиня.

Выбирает Анна сети - поет, оленями правит - поет. Верит, верит и она в свое счастье. Ждет своего богатыря.

Глава 2

Той ночью сон пришел к Анне. Холодно без мужа в чуме. Холодно без мужа в сердце. Не спит ее ум, распутывает и распутывает все узелки разговоров, что к сегодняшнему дню привели.

... Вот они на Маланг вори живут. Летнее и зимнее стойбища недалеко друг от друга. Аккуратные дома муж построил. Горит огонь чувала в зимнем доме, дети сказки друг другу рассказывают. Анна новую малицу сыну шить принялась. Пять зим мальчику, а за отцом всюду тянется. Мужчиной себя чувствует, с сестренками уже не играет. Отец его балует, лыжи широкие смастерил, лук со стрелами изготовил. Теперь из детской малицы парень вырос, новую шить надо. С нежностью кладет Анна стежок за стежком. «Настоящий, сильный мужчина из Степана вырастет»,-вспоминает она, как тот увертывается, уже стесняется материнской ласки.

На улице залаяли собаки, послышался шум приближающихся нарт. «Что за люди? Кажется, знакомые»,-определила она по ленивому лаю собак. Муж вышел встречать гостей. Анна захлопотала у столика. Погода стояла метельная; приезжий на улице снял верхнюю одежду. Долго вытряхивал снег. Наконец, вошел, поздоровался. Анна узнала гостя - мужа старшей сестры. «В такое время?»-встревожилась. Гость снял малицу, подсел к огню. Анна определила по лицу: «Плохие новости будут. Плохие».

Она накрыла на стол, отошла. Принялась плести нити из оленьих жил.

Уснули дети. Тихо разговаривают мужчины, не слышит их Анна.

Ничего не сказал в тот вечер Юван жене, а утром, когда гость уехал, сообщил:

-Слухи до Вутвоша дошли, будто в Торумлоре русских убили. Повсюду вооруженные ездят, мужчин забирают. Нянь Пашку, Нярух Мишку увезли; их за то, что детей из школы забрали. С Вутвоша в сторону Вурна нерума откочевывать начали. Собираться и нам надо.

-Снег тает. Скоро реки откроются. Куда кочевать?

-Собираться надо. Палтап Ванька в проводниках.

Несколько раз сватался Ванька к дочерям Максюма. Да не хотел отец жизнь дочерям портить, за хвастливого, ленивого жениха отдавать.

Один раз осенью приехал Ванька, насильно решил невесту увести. Выждал с друзьями, когда отец с матерью уйдут, а дочь одна останется... Вовремя заметила их Анна, поняла. Бросилась бежать, на самую верхушку огромного кедра забралась. Не может жених невесту достать, злится, а друзья над ним потешаются. Так и просидела до прихода родителей. А к Ваньке с тех пор насмешливая кличка привязалась: Палтап-Страшный Ванька.

Затаил Палтап Ванька злобу.

(Продолжение следует).

Песня

Я очень молодой, счастливый и богатый.
Я очень крепкий и молодой.
Я прожил двадцать три зимы.
В лесу около маленькой речки стоит моя маленькая одинокая юрта.
Эту юрту я сам, своими руками, строил.
Около юрты три оленя ходят,
Эти олени и ружье - мое богатство.
Оленей - авок я сам с умершей матерью вырастил.
В мою маленькую юрту красивая девушка приедет,
Эта девушка женой моей будет, жить в моей юрте будет.
Я очень богатый и счастливый.

(Записано В. Денисенко на Казыме со слов ханты Алексея Богат.)

Шуточный рассказ охотника

... Человек один жил. Он очень врать любил и всем хвастал, какой он охотник. Этот человек и зайца боялся, а всем людям говорил, что медведя не боится, лося не боится, когда осенью лось за лосихой ходит. Не умел он уток перевесом ловить, а всем говорил, что перевесом много уток ловит.

Весной тот человек в юрту пришел, а в юрте людей много сидит. Он и говорит: «Большую я вчера утку поймал. Никто еще такой утки не ловил... Вчера я около перевеса сидел, смотрю, сто уток летит - Я перевеса не спускаю. Смотрю, двести уток летят - я перевеса не спускаю, еще больше уток летит - я перевеса не спускаю.

Это мне мало - что перевес опускать? Мне мало уток. Потом слышу: ш-ш-ш... Шумит. Смотрю, большая утка летит. Такой я еще не видел. Та утка влетает в просеку, не вмещается в просеку - узкая для нее просека.

Тогда утка крылья за себя положила и летит на мой перевес, сорвала перевес, дальше на озеро пролетела, а я догнал ее и кулаком убил.

Так я с той уткой пуха набрал семь парт, семь лабазов, семь мешков и вот еще осталось в моей руке - куда этот пух девать?»

(Записано В. Денисенко на реке Куноват, со слов ханты Спиридонова.)

Публикация Н. Патрикеева.

Этнограф, краевед, писатель

В раздумьях о дорогом минувшем времени мне часто на память приходит среди тех хороших, милых сердцу людей, которых немало встречалось на моем пути, незабвенный Василий Семенович Денисенко.

Мы встретились в прекрасную зимнюю лунную ночь в 1935 или 1936 году на перегоне «веревочки» (был такой способ передвижения в зимнее время на лошадях) от Кондинска (ныне райцентр Октябрьское) до Шеркал. Далее его путь лежал в сторону Полновата на Казым, а мой — на Нарыкары до Березова.

Отсюда и началось наше знакомство, которое продолжалось до 1962 года, когда, вероятно, он скончался в Киеве, на родной стороне, по которой так скучал в Сибири, где тяжело переживал разлуку с семьей — разлуку вынужденную, хотя и как бы облегченную направлением Комитета Севера при ВЦИКе для работы на культбазе в должности этнографа-краеведа. На мой вопрос, почему бы ему не привезти семью в Казым, как это сделали другие сотрудники культбазы, он отвечал, что это невозможно, что преступно отрывать жену — пианистку от любимой работы педагога и артиста, от общения с такими выдающимися музыкантами, как Паторжинский, Вольгемут и другие.

Выходец из простой крестьянской семьи, жившей на юге Украины, он окончил в 1914 г. в Санкт-Петербурге классическую гимназию, потом университет, стал кандидатом наук, специалистом по истории материальной культуры, работал в Киевском университете. Это был высокообразованный и безусловно честный человек, истинный патриот-украинец, любивший свою родину.

В предвоенные годы на стыке Березовского и Надымского районов проводились довольно интересные работы по внутрихозяйственному землеустройству Казымского оленеводческого колхоза им. Сталина (впоследствии оленсовхоза), который создали 18-20 оленеводов-коми, перекочевавших сюда в 1928-29 г.г. из Большеземельской тундры. Как главный землеустроитель округа, я инспектировал эти работы и на должность экономиста экспедиции в порядке совместительства пригласил В.С. Денисенко.

В 1942 г. в связи с призывом работников экспедиции на фронт землеустроительные работы пришлось прекратить. Была сокращена и должность краеведа культбазы, и Василий Семенович был вынужден принять приглашение на работу директором окружного музея в Салехарде.

В начале войны я был призван в армию и надолго потерял связь с ним. Позднее узнал, что сын его много лет провел в Магадане, в годы разлуки умерла жена. Несмотря на тяжелые удары жизни, Василий Семенович много работал, написал книгу о Севере «На далекій півночі», «Степи Таврійські» и заканчивал рукопись «Ваули Ненянг». В своих письмах он тепло вспоминал наш край, людей, с которыми свела судьба.

В. Балин.

(ДЕТСКАЯ ДНЕВНАЯ ЛЮЛЬКА)

Хотлапа-манс., хатлонтон — хант.

Каркас хотлапа делают из ствола тонкой черемухи, концы соединяют на сгибе, закрепляют осетровым клеем, этот клей без запаха. Затем склеенный сгиб обматывают тонкой веревкой. Эта работа отца или деда. А бабушка, заметив, что намечается прибыль в семье, готовит лучший сорт бересты (хранят ее в сыром, темном сарае, свернутой в рулон). Только после рождения ребенка начинают шить апа. Новорожденный ребенок сначала спит только в ночной люльке, букв. ити апа (манс.). Месяца через 2—3, когда окрепнет шейка, ребенка переводят на хотлапа.

При изготовлении люльки самое главное место занимают черемуховые рейки и береста. Каркас сидения огибается двойной полосой бересты шириной в 10—12 см. С наружной стороны береста поперечная, с внутренней — продольная. Прикладывают к верхней кромочке три ряда черемуховых реек. Сначала их приметывают, потом начинают пришивать каждую рейку отдельно. Затем прикрепляют к нижней кромочке три ряда реек, потом пришивают спинку и в последнюю очередь — дно. Оно со всех сторон по краям люльки огибается мягкой кожей (нюхи), чтобы от тяжести ребенка дно люльки не отрывалось. Как закончат крепление всех реек, начинают роспись. Особенность росписи такова: на спинке всегда помещают «глухаря» (улмуй — манс., букв.: «зверь сна») — это символ тишины и спокойствия, чтобы ребенок не плакал, не реагировал на шум вокруг. Остальные орнаменты выбираются произвольно. В свободном от орнамента пространстве наносятся прочерки, похожие на «шаги» бересты, это традиционные рисунки-крапинки.

Все эти рейки вставляются после того, как закончили алу, концы их подсовывают под кромочные рейки, затем пришивают.

Рейки из черемухи, на них нанесены треугольники, между ними белая черемуха. Каждая рейка пришивается отдельно. Белая черемуховая рейка, на ней швы, здесь шьют только жилами.

Береста для укрытия жилища, больших лодок и иных нужд.

Сас — манс., тонты — хант. Сас готовят из пропаренной бересты. Берут готовые рулоны, обычно составляют их в 3, иногда в 4 ряда, их длина 3—5 метров. Сначала берут самый длинный кусок, к нему подбирают другие. К кромочке первого куска пришивают с изнаночной стороны полосу шириной 2—3 см. Теперь вторую кромочку первого куска накладывают на кромочку

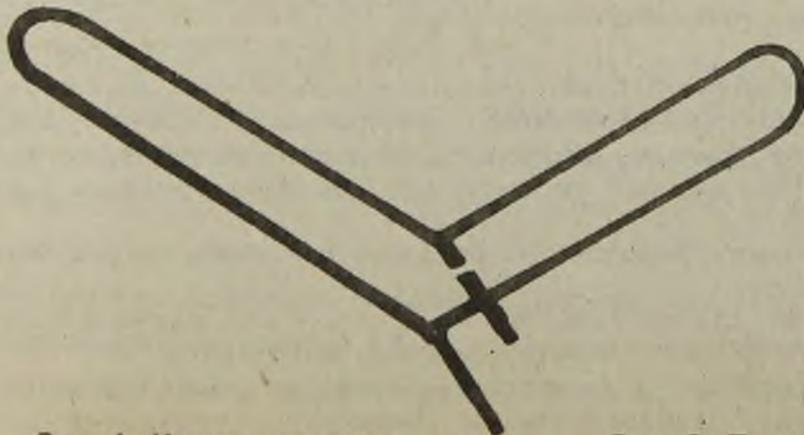

Рис. 1. Каркас люльки.

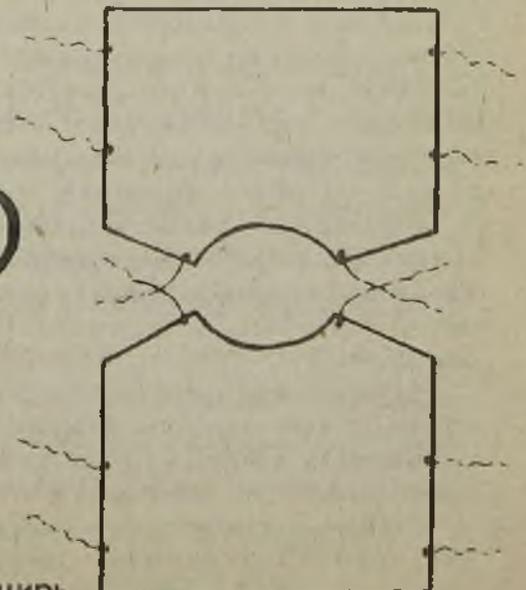

Рис. 2. Панцирь

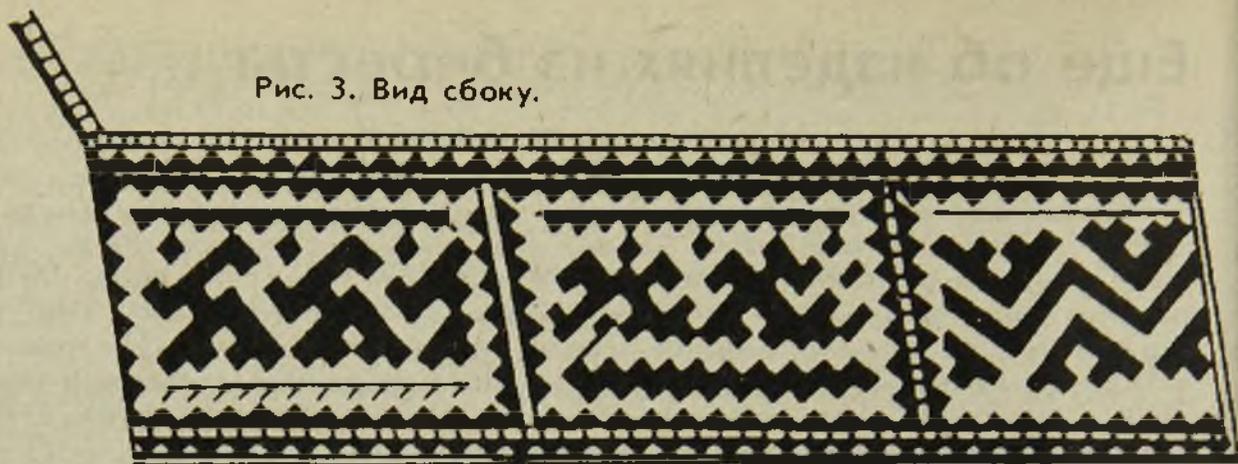

Рис. 3. Вид сбоку.

второго куска и снова прикладывают долевую полосу вареной бересты под низ шириной 2—3 см для прочности. Все это сшивают. Снова вторую кромочку второго куска накладывают на кромочку третьего куска, а долевую полосу 2—3 см закладывают под низ двух кромочек и зашивают прямым швом. Если ограничиться тремя полосками, то ко второй кромочке третьего куска также пришивают долевую полосу под низ, чтобы поперечные линии бересты не разорвались. Почему долевые полоски пришиваются под низ, с изнаночной стороны? Если размещать на лицевой, укрепленной полосками стороне, это помешало бы стоку дождя. Таким образом приготовленная большая береста служит для покрытия шалаша, она используется как тент для больших лодок саранхап (манс.). Также эта береста употреблялась для укрытия могилы от проникновения талых вод и дождя. На изготовление сас затрачивается много труда. Те, кто пользуется этим материалом, очень бережно относятся к труду старших. На зиму его укладывают в отдельные сараи, чтобы не повредить.

В далеком прошлом, во времена междоусобиц воины на груди и на спине укладывали многослойные прямоугольники из пропаренной бересты. Вражеская стрела, достигая воина, отскакивала и тем самым этот панцирь спасал от гибели человека.

Из такой же бересты шили сянпаюп, букв.: «паюп матери» — манс., анки вонсюп — хант. После рождения ребенка послед подбирают, заворачивают в новую ткань, укладывают в такой паюп и сверху укрывают берестой. Этот паюп вешают в лесу с солнечной стороны от деревни. Чем дольше повисит он, тем длиннее жизнь нового человека.

Небольшие куски пропаренной бересты используют как стельку для обуви, которую вырезают по форме ноги.

Бересту также употребляют для настила земляных нар, чтобы одежда, постель не отсыревали. Называется это пап сас (манс.) или норитонты (хант.).

Итак, из природного материала — бересты — ханты и манси изготавливали для себя необходимую посуду, использовали ее (бересту) для укрытия жилья и под постель, чтобы уберечься от сырости.

(Окончание. Начало ст. №№ 1—3, 1993 г.)

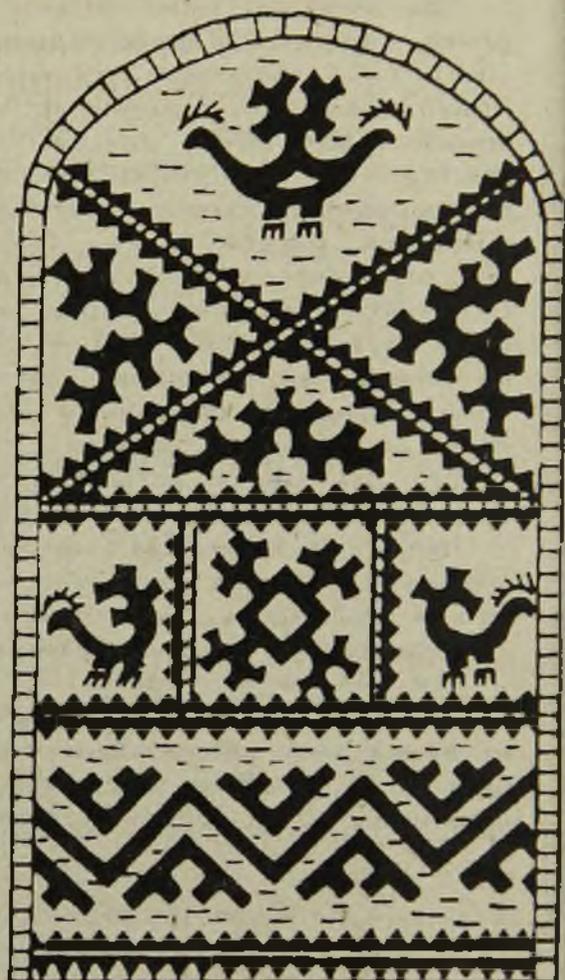

Рис. 4 Вид спинки люльки

ОРНАМЕНТ

«Солнце»

Центральную часть хантыйских игольниц и покрывал берестяных коробочек для рукоделия очень часто занимает изображение Солнца.

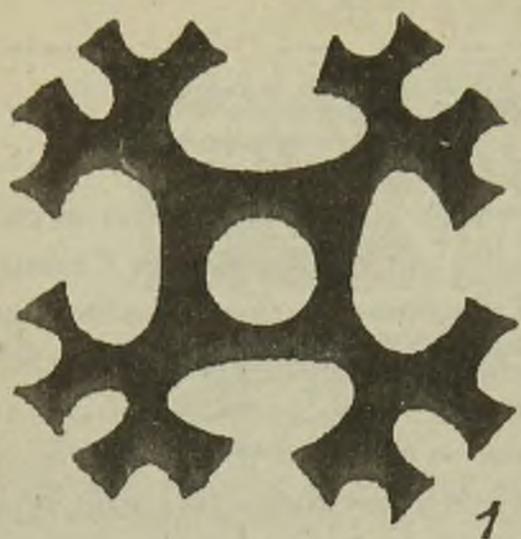
Среди хантов р. Казым сегодня нет специальных ритуалов поклонения Солнцу, однако его воспринимают как божество, как надежный податель тепла, света, и называют Хатл анки-мать Солнце.

По всей вероятности, солнечный культ и вообще культы небесных светил относятся к «затухающим». Раньше они были более развиты, на что указывают исследователи угорской культуры, уральские писаницы, которые В.Н. Чернецов связывает с обскими уграми и, видимо, такой сохранившийся до наших дней праздник обских хантов, как тылащ порибескровное жертвоприношение месяцу во время дней весеннего равноденствия. В молитвах этого ритуала Месяц и Солнце всегда упоминаются вместе (как, впрочем, и в других случаях).

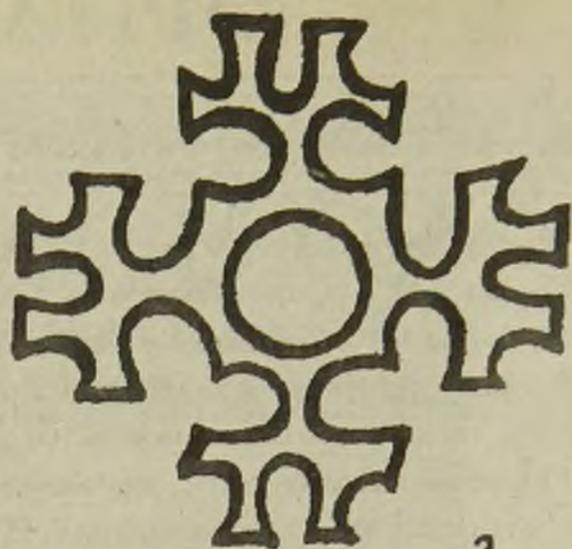
В актуальных верованиях (в быту) сохраняется отношение к Хатл анки как к дарительнице силы, энергии для воспроизводства земной жизни.

На рис. 3 отражена эта главная функция Солнца. От центральной окружности тянутся четыре луча-Хатл еш (букв.: руки Солнца), которые, в свою очередь, сами образуют дополнительные маленькие Солнышки. По объяснениям мастериц, это руки Солнца дотянулись до Земли в разных местах и везде появились свои Солнца, которые греют, ласкают человека, зверей, лес. На рис. 3 мы видим изображение глухарей, являющихся самой крупной боровой дичью, и от количества которых не в малой степени зависит благополучие людей стойбища. Маленькие штрихи, часто применяемые для заполнения фона, мастерица К.М. Тарлина из Юильска назвала «то, из чего все родится», т.е. это как бы семена, зародыши жизни, что в будущем может быть «и человек, и растение, и животное». Такими же зародышами-ант похнум еш (букв.: не взорвавшаяся рука) являются дополнительные четыре, еще несформировавшиеся лучика на окружности Солнца. Это только-только набухающие, набирающие силу лучи-тепло и свет для будущей жизни. Чтобы ожил, проклюнулся зародыш жизни, нужно Солнце. В недрах действующих лучей уже вызревает сила последующих, иссякнут одни, разгорятся другие, и так бесконечно. Пока есть Солнце, есть свет и тепло. Пока есть Солнце, есть жизнь.

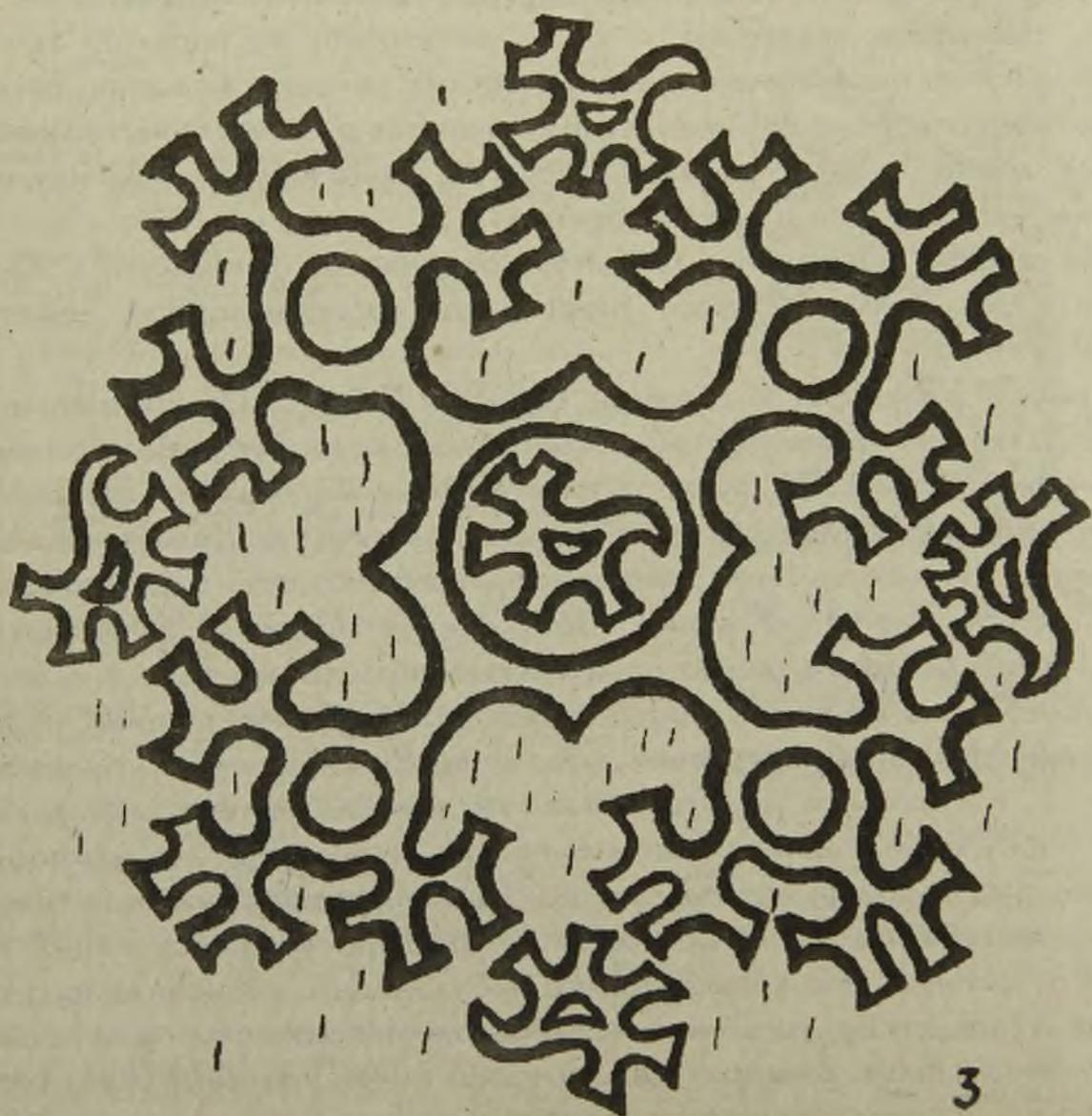
Т. Молданова

1

2

3

Рис. автора

Говорите по-мансийски

Урок одиннадцатый

Словарь к теме «Школа» — («Ханисьтахтын кол»)

Эта школа когда была построена?

Школа очень старая (ветхая)

Школа новая

Сколько детей в ней обучается?

Школа работает в одну или две смены?

В одну смену

В две смены

Учителей достаточно?

Да, достаточно

Нет, не хватает

Как обстоят дела с учебниками и учебными пособиями?

Достаточно

Мало, всем не хватает

Столовая есть?

Есть

Мастерские имеете?

Есть

Ты искола хунь унттувес?

Исколав сака песьг еметыс

Исколав йильпи

Исколант манах няврам олы?

Исколан акв смена манос тит смеси
рыл рупиты?

Акв смена сирыл рупиты

Тит смена сирыл рупиты

Учитель товылхатнэ савит олы?

Товылхатнэ савит олы

Ати ат товылхаты

Учебник, учебный пособия
товылхаты?

Товылхаты

Мосося, сяр ат товылхаты

Тэнэ кол олы?

Олы

Мастерский оньсегына?

Оньсев

Топонимический словарь Югры¹

П-С

ПЕРЕГРЕБНОЕ — поселок на месте деления Оби на Горную и Полноватскую (Нарыкарскую). По-хантыйски это название произносится «Кевавыт», где «кев» — камень, «авыт» указывает на широту водного пространства. Значит, Перегребное — каменный мыс.

ПОСНОКОРТ — деревня в Октябрьском районе. В переводе на русский с языка ханты — деревня, расположенная на протоке.

ПАТРАСУЙ — деревня в Березовском районе. Легенда гласит: ехал манси в лодочке по речке, слышит разговор на лесном берегу — вернулся в деревню, позвал соседей. Приехали и узнали, что это коми спускаются вниз по реке. «Разговор в лесу» — так и назвали деревню манси.

ПЯКУТО — озеро на стыке Сургутского и Надымского районов. Название от ненецкого «то» — озеро, «пяку» — задиристое, то есть беспокойное озеро.

САРТЫНЬЯ — деревня в Березовском районе. В переводе с мансийского: щучья речка; деревня, где люди промышляют в основном щуку.

СОСЬВА СЕВЕРНАЯ — общая протяженность 754 километра, площадь бассейна 92 тысячи квадратных километров. Топоним Сосьва есть на карте Свердловской области, там имеется поселок городского типа с этим названием. На Сосьве есть одноименный поселок.

Словообразующая частица «ва» на коми-пермяцком языке означает «вода», «сось» или «сос» на этом же языке значит «рукав», а в целом гидроним Сосьва означает «рукавная река». По некоторым другим источникам, Сосьва — «ручьевая вода». Еще в прошлом веке гидроним писался без мягкого знака. Манси, населяющие бассейн Северной Сосьвы и просто Сосьвы, называют их Тагт и Ось Тагт, последнее дословно — «узкая Сосьва». Необходимо добавить, что формант присутствует во многих гидронимах коми-пермяцкого происхождения, таких, как Лысьва (хвойная вода), Кушва (пустая вода), Сылва (талая вода). Здесь в давние времена тоже жили манси. Интересна трансформация мансийского Лусмья в коми-пермяцкое название реки, в Лозьву (синяя вода). Коми-пермяцкое происхождение гидронимов склона Урала можно объяснить тем, что проводниками русских из Зауралья в годы интенсивного их проникновения сюда были коми-пермяки.

А. Матвеев. Геогр. названия Урала. 1980, с. 230

С. Будьков. Геогр. Тюм. обл. 1989, с. 113

М. Мельхеев. Геогр. имена. 1961, с. 78.

¹ Публикуется с сокращениями.

Валёк из поролона

Хочу поделиться опытом покраски с помощью вальков из поролона. Раньше для покраски трехкомнатной квартиры (окон, дверей и разных кладовых) обычным способом у меня уходило 5 трехлитровых банок белой эмали. Теперь, когда я перестал пользоваться кистями, а крашу поролоновым вальком, мне уже хватает на все трех банок. Спрашивается: откуда такая экономия краски? Да все дело в том, что поролон краску наносит ровным слоем и от себя ее отдает полностью. Покраска таким вальком намного качественнее покраски кистями и флейцами, и даже шубными и другими меховыми вальками, т.к. они в краске оставляют волосы и шерсть.

Изготовить поролоновый валеk несложно. На рис.1 показана стальная пустотелая трубка, с помощью которой, поставив ее острый конец на поролон и придавив, выкручиваю валеk. Обычно использую старый поролоновый матрац толщиной до 6 см. Резать удобнее на полутвердом пенопласте. Концы трубки при необходимости затачиваются.

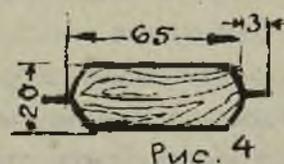
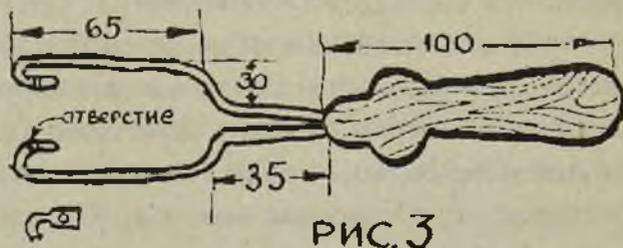
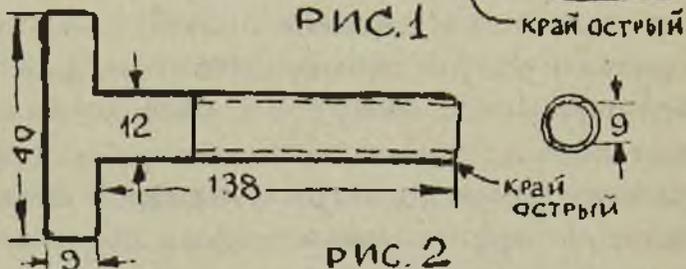
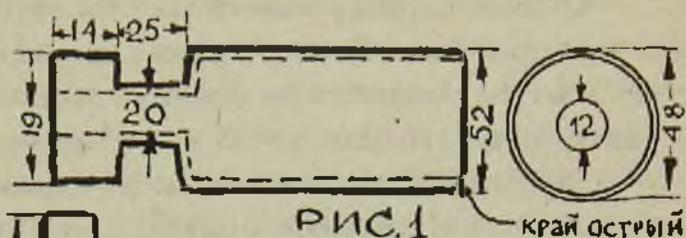
На рис. 2 показана полупустотелая трубка для выкручивания сердцевины в вальке через трубку № 1.

На рис. 3 изображена ручка с ободами из 2-3 миллиметровой упругой проволоки, концы которой загнуты внутрь, а предварительно расплющены и в них просверлены отверстия для гвоздиков. Ручку я беру обычно от какой-нибудь кухонной принадлежности, продающейся в магазинах «Хозтовары».

На рис. 4 показана деревянная сердцевина со вбитыми гвоздиками без головок на концах, на нее надевается поролоновый валеk. Все размеры показаны на рисунках. Можно изготовить еще одну проволочную вилку к этой же ручке - для широкого валька. Можно и соединять два валька в один; не бойтесь, полос не будет. При покраске сначала прокатывают вдоль; затем поперек все участки. Краску наливают обычно в широкую консервную банку из-под сельди иваси, в нее для набора краски на валеk кладу дощечку или фанерку. Чтобы покрасить пол, в белую масляную эмаль добавляю желтую краску из магазина и еще художественную - «охру красную» (по цвету она не красная, а несколько потемнее светлой охры).

Для покраски оконных рам делаю маленький валеk и ножницами разрезаю поролон пополам, а кисть для закраски углов у меня одна - №16-18.

А. Сургутсков.

ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ

Оттепель. Камусные лыжи скользят легко. Проверяю капканы, установленные на горностаю. Первый капкан должен быть в дупле старой ивы между двух озер. Ее не затопляет при любом весеннем разливе. Любит это дупло горностаю и каждый год выводит здесь своих деток.

Там, где стоял капкан, снег взрыхлен и примят. Рядом с дуплом вверх комлем стояла вершина осинки, за которую привязан капкан, - ее нет. Такие признаки радуют охотника. Но это еще не гарантия, что сейчас я освобожу зверька из ловушки и привяжу его к поясному ремню. Сколько таится за этим всего! Иной раз видишь: горностаю попадал, а в ловушке его нет - то пружина попнет, то попался одним коготком и вырвался. Бывало и так: подойдешь к капкану, а в нем лапка, и кругом лисьи следы. Это лисица съела горностаю. Остается только погрозить ей: «Для тебя тоже капкан поставлен - смотри в оба!»

На этот раз все обошлось благополучно. Крупный самец попался задней лапкой. Я положил в дупло новую приманку, насторожил капкан и поставил его на прежнее место. Чтобы горностаю и в голову не пришло, что перед носом у него ловушка, прикрыл капкан тонкой белой тряпочкой по величине раскрытых дуг и припорошил пушистым снегом. Как только зверек наступит на тарелочку, так и попался. Но если заметит подвох, тут же перепрыгнет через ловушку, схватит приманку и был таков.

Следующий капкан стоя на тропе неглубокого овражка. Нынче я добыл там уже трех зверьков. Горностаева тропа - это, конечно, не сплошная дорожка, как заячья или кабанья. Горностаю в основном бегают прыжками, как будто у него лапки связаны попарно: отдельно передние и отдельно задние. На ходу он обязательно задние лапки ставит в след передних. Умнешь лопаткой один следок вглубь снега и на это место ставишь капкан. При этом надо следить, чтобы он стоял на одинаковой глубине с соседними следками, и не нарушать кромки снега.

Ни вчера, ни сегодня горностаю по овражку не пробежал. Старые следки чуть припорошены кухтой, осыпавшейся с деревьев. Рядом с пеньком стоит вешка - сухой пруттик. Капкана не заметно, будто его и нет там. Это хорошо - дело за горностаем. Видимо, убежал куда-то в другом направлении. Мало ли у него всяких забот.

Впереди, наискось, мою старую лыжню пересекли два свежих следа: один горностаевый, второй - лисий. Звери бежали по открытому лугу. Кругом стога снега с белыми папахами. Горностаю часто нырял под снег, вылезая через два-три метра, снова нырял и опять появлялся на поверхности. Подбегал к стогам и дальше продолжал свой путь. Жировочные следы горностаю торопливые: то кинется в одну сторону, то в другую, то спохватится - здесь еще не был, побежит обратно. Опять нырок под снег. Опять пусто. Ему показалось, там прошуршала мышь, а это поиграл порывистый ветер в пучке сухой травы. У некоторых норок остались капельки крови.

Эти уголья принадлежали здешней лисице. У нее недалеко отсюда нора. Она берегла их на черный день. Горноста́й знал об этом и навещал их тайком. Первое время лисица прощала ему воровство, но терпение ее кончилось, и она решила избавиться от нахала.

Сначала лисица вытрапливала все зигзаги горноста́я, чтобы убедиться, насколько воришка освоился в ее угольях. По следам она поняла, что горноста́й уверовал в свою безнаказанность. Сегодня он сыто позавтракал и неспеша поскакал на дневку в ближайшую нору. Как отличить жировочный след от того, когда сытый горноста́й пошел на отдых, лисица знала. Этот след прямой и неторопливый. Его прыжки настолько одинаковы, что разница между ними редко окажется больше или меньше лисьего следа. И еще лисица знала, что от места жировки горноста́й уходит недалеко, надолго залегает в нору и спит иногда по нескольку дней подряд. А зимой он в своей норе недоступен. Мерзлая земля превращается почти в камень - не берут ее ни когти, ни зубы.

Как только лисица вышла на прямой горноста́евый след, она пустилась по нему сколько есть духу, перескакивая через заснеженные кочки, небольшие кустики и клочки сена, припорошенного снегом. Ее прыжки достигали больше двух метров. Казалось, она летела над землей и только изредка прикасалась лапами к затвердевшему снегу, чтобы оттолкнуться для очередного прыжка. Из-под задних лап вихрилась снежная пыль и разлеталась по сторонам. «Теперь не уйдешь,- думала лисица,- хватит, поиздевался над моим терпением!» Уши ее приложены к затылку, шелковистый мех от встречного ветра колыхался и напоминал водную рябь. Пышный хвост вытянут и настолько напряжен, что лисица могла вмиг изменить направление бега или затормозить на краю пропасти.

Горноста́й услышал погоню, но не придавал этому никакого значения - до норы осталось недалеко. Вдруг за кустом мелькнул красный флаг, зверек от неожиданности присел и оглянулся. Лисица стремительно прыгнула и придавила его передними лапами. Горноста́й пружиной выскользнул у нее из под носа и нырнул в снег, как в воду. Но в этом месте снег был мелкий, и хищница отчетливо слышала шуршание под снегом. Она перевела дух и снова прыгнула на зверька. Передние лапы ее заработали с невероятной быстротой. Борьба между двумя хищниками разгоралась не в пользу горноста́я. Лисица не отступала. Горноста́й вспомнил, что однажды ему удалось спастись от собаки, пустив ей в нос струйку вонючей жидкости из приснальных желез. Этот прием он повторил. Снег тут же пропитался отвратительным запахом. Лисица забежала вперед по ходу горноста́я, выбросила его лапами из-под снега. Отважный хищник, не теряя надежды на спасение, с яростным стрекотанием прыгнул на морду лисицы, схватил ее за нижнюю губу и повис, но она, изловчившись, прикусила его. Зверек разжал челюсти.

Лисица не стала есть горноста́я. Она брезгливо взяла его в рот поперек туловища, тут же засунула в снег под кочку и сталализывать разорванную губу.

Белая куропатка

Ю. Гордеев

Мы были на дворе, по улице проехала упряжка северных оленей и остановилась в ограде нашего дома. Из нее вышел человек в странной меховой одежде и направился с мешком прямо на крыльцо. Ким, видимо, раньше его видел и сказал, что это ханты-охотник приехал из юрт Тутлейм. Мы, полные ребячьего любопытства, сразу следом за ним забежали на крыльцо и увидели, как из мешка на пол посыпались белые птицы. Мать Кима сказала ему, чтобы он вытащил ящик и уложил туда этих птиц, которых назвала куропатками.

Мы принялись складывать куропаток, при этом у каждой рассматривали оперенье. Оно было у всех одноцветное-белое, только в хвостах у каждой птицы виднелись черные перья, черными были также клюв и закрытые глаза. Добыты они были без ружья, какими-то таинственными ловушками.

Прошло еще зимы четыре, пока я не подрос и сам не увидел этих птиц в природе все возле того же села Березова. Мы в тот год жили уже в другой квартире недалеко от яра, с которого открывался вид на просторную пойму Сосьвы с ее протоками. Совсем недалеко от яра при устье одной протоки, называемой «Казенка», виднелся островок, как бы покрытый щетиной из молодого ивняка-прутняка. Туда мы и направились налегке со школьным товарищем, чтобы посмотреть пленки (силки) на куропаток, поставленные раньше со старшим братом.

День был яркий, солнечный, кончался март. Мы не спеша подходили к островку, осматривая снег. Товарищ, который бывал здесь раньше, вдруг остановился и, показав вниз на странные бороздки, сказал, что это свежие следы куропаток и что они где-то близко. Мы остановились. Он стал смотреть по сторонам, потом, кивнув головой в сторону далеких кустов, сказал: вон и куропатки. Я посмотрел туда и вначале увидел лишь белый снег и такие же белые бугорки на нем, но как только мы пошли в их сторону, они ожили и, как шарики, мягко покатались по снегу. Пробежав немного, поднялись на сугроб, вытянулись «столбиком», завертели головками и при этом время от времени то расправляли, то складывали хвосты. Мы успели сделать еще несколько шагов в их направлении, когда в табунке прозвучал отрывистый голос «разек», и они, сорвавшись разом, полетели. В этот момент они как бы пропали из глаз, слившись с белым снегом, лишь черные перышки на хвостах выдавали направление полета. Пролетев немного, птицы дружно совершили крутой взлет кверху, сделали «горку», как бы предусмотрительно все осмотрели с высоты и, резко упав на снег, замерли. Этот прием ускользания от преследования они повторили еще два раза, пока не исчезли из поля зрения.

В марте белые куропатки еще сохраняют свою зимнюю окраску и держатся табунками в тех урочищах, где произрастает ивняк, их любимый корм.

С наступлением апреля в жизни куропаток происходят различные изменения. Большая часть их покидает просторные поймы Иртыша и Оби, возвращается в родные тундры, далеко на север, меньшая часть тоже покидает поймы, но перелетает недалеко на обширные моховые болота. Если в тундрах «перелетным» куропаткам в иные годы бывает трудно найти незанятый участок для семейной пары из-за высокой численности, то у нас для «оседлых» на болотах всегда раздолье и пары не обижают друг друга.

В апреле, раньше чем у других наших птиц, меняется окраска белых куропаток и в первую очередь у самцов. У них на голове и шее проступают новые рыжеватые перья и появляется «модная» красная бровь. Меняется и поведение, теперь они становятся задиристы-

ми, чаще подают голоса и даже пробуют «лететь». Песня куропаток - часть весеннего тока, включающего, кроме нее, особый полет, и звучит она необычайно громко. Когда впервые слышишь ее, то невольно удивляешься: неужели такие громкие звуки издают эти небольшие птицы размером с сороку? В общих чертах песня походит на громкий хохот и начинается звучать еще в темноте апрельского утра, порой около трех часов. Голос первого нетерпеливого самца будит другого, третьего и начинается своеобразная перекличка. По ней соседи узнают, кто дома ночевал, как близко друг от друга они находятся и не забрался ли кто на чужую территорию. Громкий «хохот» куропаток будит не только представителей своего рода, но и тетеревов, глухарей, которые тоже начинают токовать.

В мае верховые болота, как правило, освобождаются от снега, и куропатки начинают строить гнезда. Построив гнезда в мягких моховых кочках, самки откладывают по 8-12 яиц; бывает и больше, тогда они располагают их в два слоя. Ко времени откладки яиц самки приобретают покровительственную рыжовато-пеструю окраску, тогда как у самца еще сохраняются белые перья на груди и крыльях. Он, как бы чувствуя свою «заметность», близко к гнезду не подходит, чтобы не выдать его.

Птенцы появляются на свет в июне и, подсохнув, сразу следуют за родителями, которые вместе оберегают их покой. Самочка идет впереди, склевывая листочки тех трав и кустов, которые любит сама, и птенцы сразу запоминают их. Самец в этих кормовых прогулках больше держится позади, постоянно оглядываясь, чтобы вовремя заметить опасность. Первые прогулки бывают короткие, всего 10-15 метров за час. Уставшие птенцы по сигналу матери прячутся под ее крылья, как цыплята у курицы. Передохнув, снова продолжают путь, преодолевая за первый день не более ста метров.

Основной корм птенцов в эту пору - молодые листья голубики, клюквы, подбела. В июле на болотах созревают ягоды морошки - птенцы охотно едят их, так как твердые семена, задерживаясь в желудках, становятся первыми гастролитами - своеобразными жерновами. В дальнейшем, когда птенцы подрастают и покидают болота, они ищут в песке в лесах или по берегам рек крупные песчинки. Эти песчинки - гастролиты более прочные, и они помогают всю зиму перетирать грубые корма, состоящие из мерзлых веточек и почеч.

В августе под молодым рыжовато-пестрым оперением птенцов начинает пробиваться белое зимнее. В сентябре оно заметно на брюшке. В этом же месяце на лапах у них отрастают дополнительные перья, делаая их похожими на лыжи. Птицы к этому времени остаются вместе одним выводком, и в кормных урочищах, встречаясь с другими выводками, объединяются в табунки, которые держатся на моховых болотах до первых снегов. С образованием в октябре снегового покрова, закрывающего кочки с ягодами, куропатки начинают перемещаться из болот к беогам озер и рек, где больше ивняка. В просторных поймах Оби и Иртыша они смешиваются с табунками перелетных куропаток, следующих из тундры.

В ноябре, когда снеговой покров становится толще и почти полностью скрывает кусты на болотах, птицам приходится окончательно их покидать, совершая значительные перелеты в поисках обширных зарослей ивняка. В эту пору они нередко залетают на окраины городов и сел; видимо, их сюда еще привлекает блеск электрических огней. Мне несколько раз в ноябре приходилось встречать куропаток на окраинах Ханты-Мансийска, а один раз даже в центре, на ул. Ленина, где теперь построен новый каменный магазин.

При таких залетах в города и села в ранних сумерках куропатки не замечают проводов, и ударяясь о них, получают увечья и становятся легкой добычей дворовых собак.

В декабре перелеты заканчиваются, и птицы оседают в разных местах, где есть доступный корм. Если его много, то почти всю зиму, до апреля, остаются здесь, если мало - перемещаются в другие места.

Зимняя жизнь куропаток однообразна. Просыпаясь утром, они выбегают из своих снежных лунок, порой в темноте сидят, нахохлившись, слушают. Если услышат стук топора, настораживаются и с рассветом подлетают, чтобы осмотреть упавшие деревья и поклевать

почки. Однако чаще с рассветом, когда станут различимы кусты, они, разбредаясь недалеко друг от друга, начинают кормиться. Иногда они взлетают на деревья и, напоминая ожившие комки белого снега, довольно проворно лазают по ветвям. В эти моменты они хорошо заметны, и зимующие ястребы-тетеревятники стараются схватить их. Куропатки, заметив ястреба, издают тревожный сигнал, срываются и летят низом, виляя между деревьями. На одном обском острове при устье Иртыша я наблюдал эту охоту несколько раз. Хищник утром прилетал из тайги и ждал, когда куропатки взлетят на деревья. Увидев их, гнался через весь островок и, не поймав ни одной, садился на дерево на другом его конце. Куропатки через некоторое время, прячась за кустами, пешком удалялись от него и там, взлетев на дерево, вновь принимались за еду до следующего нападения.

Кроме ястребов, куропаток беспокоят полярные совы, особенно в годы с малой численностью грызунов в тундрах. Тогда они прилетают на зиму в лесные края. Совы, имея, в отличие от ястребов, белую окраску и способность хорошо видеть в сумерках, гораздо успешней охотятся на куропаток. Но все-таки главный враг их - человек. С древних времен преследует он эту птицу. Когда производили раскопки городищ предков ханты - угров, то вместе с костями мамонта, оленя и волосатого носорога находили кости куропаток.

Куропатка - доверчивая и легко попадает даже в самые простые ловушки. В наших краях почти повсеместно до сих пор для отлова ее используют пленки или силки из белого конского волоса. Их привязывают к воротцам, по обеим сторонам от которых раскладывают кучки ивовых прутьев, а перед этим громко стучат, чтобы привлечь внимание птиц. Без ружья охотник ежедневно имеет добычу весом 600-700 г. птичьего мяса, правда, очень постного.

Несмотря на постоянно возрастающую добычу, численность куропатки по сравнению с глухарем, тетеревом и рябчиком еще высока. И тем не менее по сравнению с былыми годами в природе куропаток остается все меньше и меньше. Сокращается и продолжительность жизни, теперь старые птицы в возрасте 5-6 лет уже редкость.

Фото автора

Фото В. НАЗАРОВА

